

Сергей Алымов

«Перестройка» в российской глубинке

В последнее десятилетие усилиями западных историков советского периода в научный лексикон вошло понятие «советской субъективности». Анализируя такие «источники личного происхождения», как дневники и автобиографии, И. Хелльбек, И. Халфин и другие историки показали, как советская идеология являлась конституирующим фактором становления субъекта и его самосознания [Халфин, Хелльбек 2002; Hellbeck 2006]. Благодаря подобным работам становится понятно, насколько глубоко советский идеологический язык был воспринят широкими слоями населения. Схожим образом Олег Хархордин, применяя на российском материале идеи М. Фуко, описывает сложившиеся в СССР партийные и воспитательные практики как своего рода технологии производства субъекта [Хархордин 2002]. Однако если для 1920–1930-х гг. взаимопроникновение и даже гармоничное единство «субъективности» и «советскости» выглядит довольно убедительно, то в более позднее время картина усложняется. «Оттепель» и брежневские годы, по-видимому, можно схематично представить как процесс постепенного разделения прежнего условного единства и все большей автономизации субъекта от советского дискурса. Наиболее подробно этот процесс описан Алексеем Юрчаком.

Сергей Сергеевич Алымов
Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва
alymovs@mail.ru

«Последнее советское поколение», согласно его исследованию, находилось как бы вне костенеющих публичных ритуалов и идеологии, но и не в оппозиции к ним [Yurchak 2006].

Стремительный конец советской эпохи, казалось бы, являлся закономерным финалом, поставившим точку в данной траектории. Многочисленные исследования «постсоциализма» имеют дело уже с другими формами субъективности. Отдельные социологи, однако, утверждают, что некий «идеально-типический» советский человек, обладающий фиксированным набором (не слишком симпатичных) характеристик, продолжает «воспроизводиться» и после распада СССР [Гудков 2009]. Могли действительно советский дискурс исчезнуть столь быстро, и как проходил этот перелом на повседневном массовом уровне социальной жизни, традиционно находящемся в центре внимания антропологов?

В качестве подступа к ответу на эти вопросы данная статья предлагает опыт локальной истории эпохи 1980–2000-х гг. в поселке городского типа Сосновка и окружающем его Сосновском районе Тамбовской области. С 2006 по 2009 гг. автор проводил полевые исследования главным образом в расположенном вблизи Сосновки селе Вирытино, описанном советскими этнографами в известной монографии 1958 г. [Кушнер и др. 1958; Алымов 2010]. В 2010 г. в самой Сосновке были записаны интервью с 37 жителями поселка. За небольшим исключением интервьюируемые были людьми, рожденными с середины 1940-х по середину 1950-х гг., т.е. относились к поколению, заставшему в сознательном возрасте как эпоху «зрелого социализма», так и последовавшие за ней трансформации. Сосновка, получившая статус рабочего поселка лишь в 1966 г., находится в центре аграрного района, поэтому подавляющее большинство ее жителей — крестьяне и дети крестьян. Однако опрошенные мною сосновцы принадлежат в основном к более или менее привилегированному слою работников интеллектуального труда — управленцам, журналистам, учителям, врачам, предпринимателям. Интервью строились как биографические и одновременно экспертные: я просил своих собеседников описать и оценить перемены, произошедшие с позднесоветских времен до нашего времени в разных сферах жизни: в быту, межличностных отношениях, общественных настроениях, ценностях, идеологии и отношениях с властью.

Вторым источником для данного исследования послужила газета Сосновского района, за эти годы претерпевшая три переименования: из «Ленинской правды» в «Слово» (в 1991 г.) и затем — «Сосновское слово» (с 1997 г.). Региональная пресса —

ценный и, возможно, несколько недооцененный этнографами источник. «Сосновское слово», как и любая районная газета, отражает повседневную жизнь района, однако в период конца 1980-х — 1990-х гг. это была не совсем типичная «районка». Костяк коллектива того времени составляли журналисты, получившие профессиональное образование в центральных ВУЗах. Творческий потенциал авторов обеспечивал газете высокий уровень рефлексивности, делавшей ее не просто хроникером или передатчиком официальной информации, но действительным органом общественного осмысления происходящих событий. Открывшаяся в конце 1980-х гг. возможность писать без цензуры, совпавшая с приходом молодого и прогрессивного главного редактора, дала возможность раскрыться таланту целого ряда журналистов, сыгравших важную роль в истории не только газеты, но и района в целом. Об уровне газеты свидетельствует тот факт, что она неоднократно называлась лучшим изданием Тамбовской области, а в 1997 г. заняла первое место во всероссийском конкурсе, став лучшей районной газетой России.

Творчество и общественная деятельность трех журналистов «Сосновского слова» особенно важны для данного исследования. Все три автора, Людмила Сергеевна Кудинова, Вера Алексеевна Рожкова и Лариса Ивановна Уварова, принадлежат к послевоенному поколению. Л.С. Кудинова и В.А. Рожкова — уроженки Сосновского района, профессиональные журналисты, работавшие в районной газете с 1970-х гг. В перестроечную эпоху их пути разошлись. Вслед за серией громких публикаций о привилегиях местной партийно-хозяйственной элиты Л.С. Кудинова в 1990 г. стала депутатом Верховного Совета РСФСР, входила во фракцию «Демократическая Россия». В первой половине 1990-х она занимала должность заместителя губернатора Тамбовской области, в середине 1990-х вернулась в Сосновку, работала учителем, была депутатом поселкового совета. В.А. Рожкова по сей день продолжает работать в «Сосновском слове». Ее статьи можно смело назвать «энциклопедией сосновской жизни». По словам самой Веры Алексеевны, она писала в основном на «житейские темы», главным образом о культурной жизни, быте, социальной сфере. Лейтмотивом ее публикаций можно назвать «женскую тему», проблемы семьи и молодежи. Ее статьи (подписанные в основном псевдонимом Попова) отличает особая этнографическая внимательность к деталям и в то же время стремление к социологическому осмыслению событий, нравов и «духа эпохи», независимая критическая позиция. Вера Алексеевна всегда держалась на расстоянии от политики, хотя, конечно, приветствовала (по крайней мере, поначалу) реформы

и либерализацию общественной жизни конца 1980-х гг. Л.И. Уварова — личность неоднозначная и в определенной степени загадочная. Она переехала в Сосновку в конце 1980-х, работала в газете с 1989 по 1996 г. Ее статьи носили отчетливо публицистический характер, даже описывая события районного масштаба, она делала далеко идущие общественно-политические выводы. К середине 1990-х гг. Уварова стала общественным лидером, способным вывести людей на демонстрацию. В 1999 г. по описанным ниже причинам она вынуждена была уехать из района, в 2010 г. скончалась. Знавшие ее люди вспоминают о ней как о ярком ораторе и лидере, эксцентричном и остроумном человеке, склонном, однако, к некоторому авантюризму. К примеру, в одной из своих статей 1991 г. Уварова описывает поставленный ею для иллюстрации серьезности проблемы воровства «эксперимент»: ночью она прошла мимо складов и через весь поселок с огромным набитым тряпками «наматрасником» за плечами, чтобы проверить, будет ли она задержана милицией или жителями. В час ночи она благополучно вернулась домой [Уварова 1991б: 4].

Алессандро Портелли указывал на то, что информация из устных источников в определенном смысле не может быть ложной. Даже если факты в них подвергаются искажению, само это искажение отражает ценности и взгляды информантов: «[О]тличие устной истории состоит в том, что “ложные” утверждения все же психологически “достоверны”, и эта достоверность может быть так же важна, как и фактологически достоверные свидетельства» [Portelli 1991: 51]. Принимая данное положение, я старался выявлять как в письменных, так и в устных источниках эти два пласта — фактическую информацию и ценности, с позиций которых те или иные факты интерпретируются. С этой точки зрения публикации «районки» с многочисленными письмами в редакцию рядовых жителей и статьями профессиональных журналистов, описывавшими сосновскую повседневность, тематически тесно связаны и «перекликаются» с записанными интервью. Они упоминают об одних и тех же ключевых событиях в жизни района; оценки и мнения, высказанные в интервью, часто совпадают с общей «идеологической линией» районной газеты. В то же время, статьи позволяют восстановить фактологически более достоверную картину прошлого, чем устные источники, даже в отношении сравнительно недавнего прошлого характеризующиеся хронологической приближенностью.

Таким образом, попытка «локальной истории» Сосновки последних тридцати лет вынуждена быть одновременно нарративом, излагающим определенную последовательность событий, и рефлексией над тем, как функционирует историческая

память, неизбежно интерпретирующая прошлое, а не являющаяся его слепком. Более того, публикации «Сосновского слова» показывают, что воспоминание и рефлексия над тогда еще совсем недавним советским прошлым были важнейшей частью истории постсоветской эпохи, а интервью как бы сами собой выстраиваются вокруг сравнения двух эпох в жизни «предпоследнего советского поколения» (напомню, что «последним советским поколением» А. Юрчак назвал людей, рожденных между серединой 1950-х и началом 1970-х гг.) [Yurchak 2006: 31–32]. Следует, наконец, пояснить кавычки, в которые заключено слово «перестройка» в названии. Как я убедился в ходе полевой работы, большинство информантов понимают это понятие не в узком смысле определенного этапа в политике Горбачева [Барсенков 2002: 81], а более буквально — как кардинальное изменение всего общественного устройства, происходившее на всем протяжении конца 1980-х и 1990-х гг. Именно этот опыт и его осмысление жителями одной из многочисленных в России Сосновок составляет предмет данного исследования.

«Когда собираются женщины здесь, они вспоминают только этот период»

К началу 1980-х гг. Сосновка была центром одного из крупнейших в Тамбовской области сельскохозяйственных районов. На 1 июля 1983 г. в районе проживало 52,2 тыс. чел., чуть более 10 тыс. из них работали в 30 колхозах и совхозах. Для сравнения: на 1 января 2010 г. численность населения составляет 35,2 тыс., из них в трудоспособном возрасте — 19,4 тыс. чел. Рабочий поселок, численность населения которого стабильно равняется немногим более 10 тыс. чел., имел десять достаточно крупных промышленных предприятий: мясокомбинат, масло-сырзавод, спиртзавод, трикотажную и мебельную фабрики, несколько строительных, ремонтных и транспортных организаций, а также птицефабрику и большой откормочный комплекс. Многие из них насчитывали не одну сотню работников. В настоящее время ни одно из промышленных предприятий, кроме кирпичного завода, не существует, в промышленности занято около 500 человек. Если к середине 1980-х гг. в районе было 62 общеобразовательные школы и 44 больничных учреждения (в основном сельские больницы и медпункты), то в 2010 г. район насчитывает 11 школ, 26 филиалов (малокомплектные сельские школы приобретают статус филиала более крупных) и семь учреждений здравоохранения (районная больница и шесть врачебных участков). Более чем двукратное сокращение коснулось и учреждений культуры. Бывшие колхозы и совхозы, за незначительным исключением,

к настоящему времени разорились и распались, а сельскохозяйственные земли в основном скупаются и перепродаются различными инвесторами. Численность занятых в сельском хозяйстве также упала более чем в два раза. Таким образом, социально-экономический фон последних десятилетий истории района можно охарактеризовать как депрессивный, что, безусловно, накладывает отпечаток на культурные процессы, которым посвящена данная работа [Платицина 1998: 2; Инвестиционный паспорт].

В интервью мои собеседники концентрировали внимание на повседневном опыте рядового человека и оценивали ту или иную эпоху главным образом с этой точки зрения. В воспоминаниях о советском эта тема имеет первостепенное значение. Не стремясь свести голоса отнюдь не во всем согласных информантов к некоему гомогенному «общественному мнению», можно выделить ряд лейтмотивов и схожих формулировок. Наиболее очевидный и часто встречающийся отзыв о позднесоветской эпохе указывает на более высокий уровень социальной защищенности и стабильности в жизни индивида. Часто это формулируется в терминах тогдашней идеологии как «забота о человеке». Забота государства о человеке проявлялась «с момента его рождения до школы и до получения специальности» (м. 1958 г.р.).

В тот момент люди жили лучше. Вот когда собираются за молоком женщины вот здесь, они же вспоминают только этот период, они больше ни о чем не говорят. Потому что, ну как сказать, почет был дояркам, полеводам. В санатории ездили каждый год, кто хотел. Да почти все ездили. Грамоты, там, медали вручали, на всех заседаниях вспоминали, почитали. А сейчас, после того как эта советская власть ушла, рабочий человек перестал быть популярен. Обо всех забыли (ж. 1956 г.р.).

Видимо, по контрасту с современностью в разговорах о советском прошлом на первый план выходят вопросы социальной справедливости и жизненных возможностей, предоставлявшихся в тот период детям простых колхозников: «Этот период очень хорош был стабильностью и отношением к человеку как к личности, к его росту как кадра профессионального» (ж. 1953). Говоря об «отношении к человеку как личности», моя собеседница, прошедшая путь от учителя до крупного управленца районного масштаба, имела в виду прежде всего возможность получения бесплатного образования и работы по специальности. Большинство моих собеседников — бывшие деревенские дети, осуществившие в 1960–1970-е гг. значительный подъем по социальной лестнице, получившие престижные на тот момент профессии. Не менее актуально для сельского

района то, что специалистам предоставлялось жилье для «закрепления» молодежи на селе. Бывший работник райкома указывал в интервью на то, что 1980-е гг. были временем, когда на недолгий срок удалось переломить тенденцию оттока молодежи благодаря улучшениям условий труда и — главное — массовому строительству жилья. Она описывает «заботу о человеке» на уровне районной власти:

Когда на бюро руководитель [хозяйства — С.А.] отчитывался, если он не строит дома, не закрепляется молодежь, если у него охрана здоровья не соблюдается, профилактика не проводится, если люди санатории не посещают <...> то никогда руководителю не поздоровится. Он всегда выговор мог схлопотать и так далее. <...> На тот момент люди этого не понимали, что бесплатное жилье получили, что лечение бесплатно, медицинское обслуживание, какое бы оно ни было, направление в центры, когда требовалась какая-то операция серьезная. <...> Люди просто это не ценили (ж. 1950 г.р.).

То, что руководителю могло «не поздоровиться» по причинам, связанным с социальной ситуацией в его хозяйстве в самом широком смысле, подтверждает бывший руководитель крупного совхоза: «Я в первый раз попала на бюро райкома партии, не придумавешь за что — за то, что людей с нашего хозяйства много побывало в вытрезвителе. <...> Значит, я недостаточно веду воспитательную работу» (ж. 1941 г.р.). Несмотря на то, что, по ее словам, к специалистам относились даже жестоко («наказывали за любой проступок так, что мама не горюй»), она указывает на «дисциплину» как на ценную и исчезнувшую особенность советской эпохи.

Упомянутое выше противопоставление «популярности» и забвения «рабочего человека» имеет не только материальное, но и этическое измерение. Оно имеет отношение прежде всего к трудовой этике, культивировавшейся в советское время. Это хорошо видно при анализе газетных публикаций. Газета в советское время была посвящена сельскохозяйственному производству, подавляющее число материалов описывало колхозные дела. Помимо социалистических обязательств, она печатала многочисленные отчеты, цифровые показатели, хронику социалистического соревнования и т.п. Человек появлялся на ее страницах прежде всего как работник, преданный своему делу. Заголовки подобных статей говорят сами за себя: «Нашла дорогу в жизни», «И передовик, и общественник», «На своем посту» и т.д. Они рассказывали о людях, которые, казалось, полностью поглощены своим трудом: к примеру, в статье о доярке Р.И. Сафроновой автор, описав ее рабочий день, отмечал, что она беспокоится о коровах даже дома после работы: «Начала

готовить ужин, а мысли на ферме» [Михайлова 1985: 3]. В статьях о ветеранах и пожилых колхозниках описывалось, как они «работали от зари до зари», «трудились на совесть» и даже на пенсии «без дела сидеть не любят» [Забровский 1987: 3]. Десятилетия такого идеологического климата должны были принести свои плоды. В 2003 г. В.А. Рожкова взяла интервью у передовой телятницы, одной из «лучших людей области» 1970-х гг., бывшего депутата Верховного Совета СССР Раисы Зацепиной. Она рассказала, как, начав работать на ферме сразу после окончания семилетки, через полгода после рождения дочери «прибежала» на ферму «не столько из-за денег, сколько из-за самих телят». Свое избрание Зацепина описывает как счастливую неожиданность, по которой простая доярка получила возможность увидеть Кремль, Москву и т.д. Она получала 60 рублей за работу депутата, но мыслями, как и Сафронова, оставалась на ферме:

Пока заседала, душа болела о телятах. Оставляла свою группу ближайшей родственнице. А когда возвращалась, с радостью окуналась в привычное дело. Так же, как всегда, спешила к телятам. И особым счастьем, гордостью было, вспоминает, когда придешь вечером, а они лежат. Сытые, ухоженные, опилочек им еще подбросишь. Чистота у нее была, как в хорошей больнице. В то время она была награждена медалью «За трудовое отличие» [Попова 2003б: 6].

Система власти советской эпохи в ее местном измерении также вызывает заметную ностальгию. В 1996 г. «Слово» опубликовало статью под названием «Где вы, Коротковы, Зарщиковы, Ожогинны?», окликавшую ставших легендарными районных руководителей. «Увы, их нет, — сокрушался автор. — Не то время, не те характеры. Безответственность ведет к распаду личности. Сегодня безответственность — самое страшное, что нам угрожает. Народ потерял веру в районную власть» [Юрин 1996: 2]. Не будет большим преувеличением сказать, что до сих пор существует своего рода культ первого секретаря Сосновского райкома Н.П. Короткова, управлявшего районом в 1960–1980 гг. Он родился в одном из сел Тамбовщины в 1924 г. и прошел путь от помощника колхозного счетовода до первого секретаря, героя социалистического труда. Говоря о Короткове, сосновцы в один голос вспоминают прежде всего то, что он почти ежедневно выезжал в хозяйства, «знал каждую доярку по имени»: «Это и стимул был. Первый секретарь о тебе знает! Значит ты на малой родине личность» (ж. 1953 г.р.). Идеализированный образ Короткова-руководителя в памяти жителей района таков:

Как часто он проверял работу колхозов. Почти каждый день бывал в поле. В осеннюю слякоть воодушевлял свекловичниц колхоза

им. Калинина. Ждали и побаивались его приезда на фермах любого колхоза, совхоза, на предприятиях. Для жителей нашего района его кабинет всегда был последней инстанцией.

Николай Петрович каждого посетителя внимательно выслушивал, искренне ругал, искренне сочувствовал, искренне помогал. «Вот пойду к Короткову, он все на свои места поставит!» — думал испытывавший нужду или обиду человек. И шел к партийному вожаку как к справедливому заступнику. Строг, но справедлив был наш партийный товарищ к провинившимся чиновникам разных рангов. Побоявались его, но за справедливость, искренность, желание помочь и любили его наши сосновцы [Языкова 1995: 4].

Коротков — не только идеал руководителя для жителей района, его личность (и ее «культ») показательны как социальный факт. К примеру, врач с почти сорокалетним стажем вспоминает отношения рядового человека с районной властью как «более короткие и эффективные»:

Сложилась конфликтная ситуация. Человек говорил: я пойду в райком. Человек говорил: я к предрику пойду. Я пойду в прокуратуру — иногда даже. А сейчас куда пойти? (м. 1946 г.р.).

Все говорят, — вот куда вы сейчас не приедете, — ой, да раньше к Короткову-то приди, он сразу, чуть какой сигнал, да он сразу: или партийный билет клади, или что. В общем, людям было проще обращаться и обращения граждан рассматривались лучше (ж. 1941 г.р.).

Другая черта организации власти в масштабе района, о которой позитивно вспоминают некоторые сосновцы, на административном языке того времени называлась «работа с кадрами». Биография Н.П. Короткова, последовательно прошедшего путь от колхозного счетовода до первого секретаря, является наглядной иллюстрацией этого принципа. Райком искал специалистов и следил за работой включавшихся в кадровый резерв власти:

Был тогда резерв, и с ним работали. Сейчас вот — с улицы приходят, садятся. Получится — не получится, садятся — и руководят. Тогда работали с кадрами. Вот, например, я была в резерве заведующего отделом образования. Если что-то где-то, они уже знали, они следили за мной: как я работаю, как я расту и так далее (ж. 1953 г.р.).

Такой принцип отбора руководящих кадров противопоставляется современному, при котором очередной глава администрации приводит свою новую команду.

Впрочем, «забота о человеке» имела и свою изнанку. «Темную сторону» патерналистского и «дисциплинированного» советского режима можно описать как избыток этой заботы. В статье «Старые методы под новыми лозунгами» журналист с возмущением описывал следующий случай: в райком поступает анонимка о супружеской измене руководителя крупного предприятия. Анонимке «дается ход»: «И вот уже секретарь парторганизации одного из крупнейших в районе предприятий по просьбе жены руководителя наблюдает из-за угла за ее мужем, с целью установить “действительно ли состоится свидание”» [Фролова 1987: 3]. На руководителя заводится «дело», он уличается, на предприятии ему объявляется «выговор по партийной линии за измену жене», но райком, посчитав это слишком либеральным, исключает его из партии. В 1987 г. это подается уже как недопустимое вмешательство в личную жизнь, что сигнализирует о смещении границы между частным и общественным в сторону расширения пространства частной жизни. Однако даже вмешательство райкома в производство и профессиональную жизнь вызывает у многих неприятные воспоминания: «Они влезали, грубо лезли во все, не неся ни за что ответственности. Вот это было совершенно неприемлемо» (м. 1946 г.р.). Руководитель строительной организации вспоминает, как осуществлялся контроль за ним через секретаря парторганизации, который «все время докладывает о действиях руководителя туда»:

Мне объявляли выговора и строгие выговора за то, что я, допустим, что-то новое применил в организации, но не согласовал. Конечно, мне это было очень обидно, потому что я новое применял на пользу, чтобы увеличивалась выработка, производительность труда, чтобы качество работ улучшалось, а это, оказывается, наказуемо (м. 1944 г.р.).

Упомянутая выше жесткость к руководителям могла восприниматься как зависимость от административного аппарата и персонально носителей власти:

Мой муж работал главным агрономом. Поругался с первым секретарем райкома партии. Я не знаю, как это обошлось, что мы из района вообще не уехали. Как правило, приходится, чтобы выйти из этой ситуации, переезжать в другой район и где-то искать работу на стороне (ж. 1953 г. р.).

С другой стороны, и в интервью, и в публикациях газеты можно нередко встретить мнение о том, что «вмешательство в личную жизнь», осуществлявшееся женсоветами и лечебно-трудовыми профилакториями было позитивным фактором, демонстрировавшим человеку его «нужность» и сдерживавшим такие деструктивные проявления, как алкоголизм и бытовое насилие.

В одинаково негативных тонах люди разных профессий вспоминают собрания советского времени. Бывший водитель, ныне предприниматель:

Когда коммунизм был, это же были сплошные приписки, болтология была страшная на собраниях на партийных. <...> Лишнего было девяносто процентов. Смеяться нельзя было вслух, но про себя я думал: да ну когда же... Я в то время еще молодой был, а люди были, которые в партии и по тридцать лет, наверное, и более, думаю: как же они это всю жизнь выдерживают, туфту такую? (м. 1959 г.р.).

Врач районной больницы вспоминает:

Ну сколько можно говорить о том, что сказал Владимир Ильич на Пражской конференции? Сколько можно изучать первоисточники? Это раздражало. С одной стороны, это не плохо. Они держали под контролем все. Но со своих позиций. Больницу, образование. Они принимали решения, дилетантские совершенно, все эти инструктора. Это раздражало (м. 1946 г.р.).

Контролировалась райкомом и деятельность работников культуры:

Я приехала в строго брежневские времена. Меня поразило это. Во-первых, концерты: «Ленин всегда живой» [поет]. Тематики вот этой неинтересной столько. Обязательно. Райком партии следил за репертуаром концертов. Он приходил на такие главные праздники. <...> В обязательном порядке тематика, выдержанность, этикет (ж. 1960 г.р.).

Однако главным источником недовольства в самых разных слоях населения было, как известно, несоответствие декларируемых принципов и действительности. Анализируя способы и культуру сопротивления доминируемых групп, Джеймс Скотт отметил, что протест против режима, как правило, осуществляется в терминах господствующей идеологии, «в принятии ценностей элиты всерьез и утверждении, что элиты этого не делают» [Scott 1990: 106]. В отличие от диссидентов, требовавших «соблюдения советской конституции», рабоче-крестьянское недовольство формулировалось в терминах социальной справедливости — центрального понятия советской идеологии. В 1991 г. работница сосновской типографии написала в газету письмо, подытоживавшее ее многолетний печальный опыт:

Когда-то нам изо дня в день внушали, что в нашей стране нету выше звания, чем рабочий человек. <...> Но пишут одно, а на деле оказывается совсем другое. Вот я и решила рассказать то, что есть на самом деле, что рабочий человек у нас есть самый бесправный и не в почете [Орехова 1991: 4].

В подкрепление этого тезиса она рассказывала о своих попытках получить от государства ценные и дефицитные товары: мотоцикл, автомашину, стиральную машину, бензопилу. Каждый раз эти попытки срывались либо из-за двусмысленности действий государственных органов (объявили, что за сданную картошку будут продавать мотоциклы, но не предупредили, что сдавать надо в сельпо, а не в заготконтору), либо из-за очевидной дискриминации простых граждан, например в очереди на получение автомашины. Бывший сотрудник райкома видит центральную роль в недовольстве населения перестроечного времени таких факторов, как дефицит, социальная несправедливость и «зависть»:

Когда машину покупали, у людей тоже зависть росла. У меня деньги лежат на сберкнижке, я не могу купить, а он поехал на машине. Тоже сработала в сознании людей эта несправедливость, деление, когда председатель райпотребсоюза был царь и бог. Когда жена первого секретаря одевалась лучше, чем Марья Ивановна, доярка. Плохо было это, не надо было этого делать. Когда дефицит привозили к праздникам и так далее, отоваривались люди: районная элита, областная. <...> Люди это видели, знали. Помните, даже был лозунг «Народ и партия едины», и второй потом называли: «Откройте ваши магазины».

Недовольство такого рода могло «прорываться» даже на партийных собраниях. Нечто подобное произошло на закрытом партсобрании, посвященном борьбе с «несунами» в одной из организаций поселка. После зачитывания официальных документов должны были следовать выступления. Никто не хотел говорить. Одного из работников, наконец, уговорили:

Вывели его к трибуне, он встал и говорит: «А что тут говорить? Вот, например, я жену управляющего сельским хозяйством района ни разу не видел на базаре». Начал перечислять всех жен. Потом говорит на управляющего «Сельхозтехникой»: «Да и Вашу, Иван Ксенофонович» (м. 1951 г.р.).

«Несуны» были, несомненно, повседневной реальностью «серой экономики» Сосновки. Один из журналистов вспоминает, как вечером мимо окна корректорской шли «раздувшиеся» работницы мясокомбината, подвязывавшие мясо и колбасу под одежду. О работе птицемясокомбината Уварова позднее писала:

Многие сосновцы помнят те времена, когда они кормились именно отсюда. Кто-то из них подходил темными ночами к комбинатовскому забору, из-за которого летели сумки и пакеты с мясом, кому-то это самое мясо приносили прямо на дом, и недорогое, и свеженькое. Таким разносчикам можно было заказать

к празднику и печеночки, и вырезки. Словом, славное было время. И работа на мясокомбинате считалась самой стоящей и престижной. Абы кого туда не брали [Уварова 1996а: 2].

Вспоминая бытовую сторону «застойной» жизни, люди часто отмечают тот факт, что «в каждом доме холодильники были забиты», однако многие продукты надо было «доставать». Некоторые товары, к примеру модную одежду, можно было купить только в Москве или Тамбове, что включало стояние в многочасовых очередях и подчас унижения от «надменных продавщиц». Не имевшие своей скотины, но получавшие сравнительно большие зарплаты интеллигенты ездили в Тамбов за маслом, колбасой, сметаной. Однако «доставание» относилось в первую очередь к дефицитным, как правило импортным, промышленным товарам. Ковры, стиральные машины и прочие редкости «искали через кого-то, по блату, через десятые руки, но все равно приобретали, все это приобреталось» (м. 1955 г.р.). «Все можно было достать, многое можно было достать, но ничего легитимно» (м. 1946 г.р.). «Хорошую вещь купить простой человек не мог. Даже чуть выше простого, все равно. Иерархия была очень четкая: работники райкома партии, потом работники райкома комсомола, сами работники торговли, врачи, ну и учителя некоторые, не все, пользовались, доступ имели» (ж. 1952 г.р.).

Эти факторы сыграли значительную роль в событиях, происходивших в Сосновке в эпоху перестройки.

Перестройка

Несмотря на, мягко говоря, неоднозначное отношение к событиям конца XX в., можно сказать, что большинство моих собеседников признавали, что связывали с зазвучавшими речами о перестройке и преодолении «застоя» определенные надежды. Помимо указанных причин стремление к переменам диктовалось ощущением скуки, пониманием неэффективности хозяйственной системы, заграничными впечатлениями, которые, как ни странно, были у многих жителей «глубинки» благодаря распространившейся к концу советской эпохи практике раздачи путевок в соцстраны. Позитивное впечатление на многих оказала и личность нового генсека. Однако важнейшим процессом раннеперестроечного времени было изменение рамок и границ публичного дискурса, в который постепенно включались ранее немислимые темы и тональности обсуждения. Лучше всего проследить этот процесс на примере публикаций «Ленинской правды».

Было бы неправильно считать, что публикации газеты до перестройки были лишены критического начала. С ранних дней советской власти районная пресса использовалась не только

для прославления режима, но и как способ критики нерадивого руководителя, для воспитания населения как на положительных, так и отрицательных примерах бесхозяйственности, некультурности и туеядства. Можно выделить два взаимосвязанных вектора изменений публичного дискурса, проявившихся в публикациях газеты: постепенное увеличение критического накала публикаций и зазвучавшая в статьях наиболее прогрессивных журналистов тема борьбы против бюрократизма и пустых официозных форм общественной жизни.

В 1987—1988 гг. обзоры писем в газету неоднократно констатировали резкое изменение характера читательской почты:

Постепенно уходят в предание письма-рапорты об очередных трудовых успехах, елейные письма-благодарности, звонкие письма-отчеты о концертах к праздничным дням и прочих парадных мероприятиях. И все больше писем-размышлений о ходе перестройки и демократизации в общественной жизни, о недостатках в таких сферах, как торговля, здравоохранение, поднимаются «болевые» проблемы соцкультбыта [Почта 1988а: 1].

В следующем обзоре писем автор также указывала на возрастающее число писем о «бескультурье в нашей жизни» (бесцеремонности продавцов и врачей, неухоженности улиц и т.д.): «Привычка к серости, к рутине так сильно въелась в нашу жизнь и быт, что попытка нарушить ее вызывает недоумение» [Почта 1988б: 4]. Однако своего рода прорыв произошел благодаря статьям Л.С. Кудиновой, посвященным поначалу проблемам торговли, а затем вышедшим на центральную для общественного сознания тему распределения благ и социальной справедливости. Первая громкая публикация называлась «Дефицит. Кто и зачем его создает?». В ней журналистка «во всеуслышание заявляет то, о чем раньше все шептались по углам», а именно — о практике манипулирования дефицитным товаром (от мебели и отделочных материалов до книг), в результате которой большая его часть поступает самим работникам торговли, их родственникам и «клиентам»:

«Уж себе и не взять», — это фразу приходилось слышать не раз. Звучала она уверенно, спокойно, — чувствовалось, годами сложилась и накрепко.

Работать в торговле и не одеться, обуться, не поесть получше, скажем, те же консервы «Лосось», «Толстолобик», или тот же зефир, сухое печенье, не попить чайку индийского да кофе растворимого?! [Кудинова 1988а: 3].

Нараставший дефицит вызывал все больше вопросов у населения, и газета откликнулась не только яркими бытовыми зарисовками, но и давала четкий ответ на вопрос «кто виноват?»:

В этот день спозаранку толпился народ у универсама райцентра. Подпирали двери универсама в ожидании продавцов жаждущие приобрести сапожки стойко и надежно. Весь неприступный вид толпы говорил: чужие не пройдут!

Интересно, какие они, — промолвил кто-то.

— Кому интересно, тот уж сегодня в этих сапожках утречком на работу пошел, — ответили в очереди.

— Как!?

— А вот так! Уметь надо, а не в очередях стоять.

За ярким описанием невероятной давки, когда продавщицы выносят в зал по несколько коробок импортной обуви, следует указание на «изнанку» торговли:

Не тушевались они [продавцы — С.А.] и тогда, когда под недовольный ропот очереди, продавцы других отделов универсама и знакомые этих продавцов, и знакомые знакомых проходили в подсобку и выходили оттуда, как говорится, усталые, но довольные — с обновкой.

Так вот где собака зарыта, скажет догадливый читатель. Совершенно верно — в товаре с изнанкой. В том самом, который, как кот в мешке, и который с того самого «черного» хода. А что — вам не нравится? Унижает ваше человеческое достоинство? Оскорбляет ваши чувства? Эка невидаль! Так не берите — и без вас охотники найдутся [Корнеева, Кудинова 1988: 4].



Владимир Жабский, уже больше года сотрудничающий с нами, решил выразить свою позицию этим рисунком. Тема, как всегда у автора, весьма актуальна. Действительно, с чем мы идем к рынку, что принесет он рядовым людям?

Художник В. Жабский. Слово. 1991, 7 дек. № 5

Переломным событием не только общественной, но и политической жизни района стала публикация статьи Л.С. Кудиновой «Особняки, или О том, почему строительство их в Сосновке приняло широкий размах» [Кудинова 1988б: 2]. Речь шла о десятке добротных кирпичных домов, строившихся в то время в центре Сосновки и тут же получивших в народе название «Хамского поселка». Особняки возводились, как выяснилось, в обход очереди, с всевозможными нарушениями строительных норм, а главное — за счет ведомств и организаций, т.е. «за народные деньги». Будущими их владельцами были руководители этих организаций: от глав РАПО, райагρόстроя и управления бытового обслуживания до главврача больницы и председателя комитета районного контроля. «Особнячество», как писала Кудинова, «стало в Сосновке уже явлением», особняки «продолжают расти, как грибы, на глазах у всех», и это в то время, когда «сотни семей ютятся в комнатухах общежитий, ветхих домишках, влезают в долги, когда, уже потеряв надежду получить квартиру, решаются строиться сами или купить дом». Автор требовал «восстановить социальную справедливость на всех уровнях».

Все, кто сейчас вспоминает о «Хамском поселке», обязательно отмечают, что по современным меркам в этих домах нет ничего особенного — не более чем добротные, но довольно скромные коттеджи, не идущие ни в какое сравнение с «особняками» 1990-х гг. Однако в то время резонанс был огромным. Газета получила 28 откликов, авторами которых «руководило пробудившееся за годы гласности обостренное чувство социальной справедливости». «Преимущественное получение социальных благ» руководителями, как подытоживала обзор писем газета, — «социальное зло», вошедшее в правило в годы застоя [Почта 1989: 1]. Опубликованные письма разгневанных читателей содержали требования «искоренить хамство», предложения отдать «особняки» под детсады, передать их «простым труженикам» или многодетным семьям, а также политические требования: «Не пора ли РК КПСС и райисполкому занять принципиальную, честную позицию по отношению ко всем зарвавшимся и повернуться лицом к нуждам людей, выражать их интересы?» [Гладилина и др. 1989: 3].

Возникшая волна массового недовольства руководством стала стартом политической карьеры Людмилы Сергеевны. В 1989 г. она публикует статьи на схожие темы, к примеру «Вирус исключительности» — о продаже райпотребсоюзом легковых автомобилей районным начальникам вне очереди. Результаты проверок и созданных по данным делам комиссий, судя по письмам в газету, население не удовлетворили. Кудинова писала:

Мы еще только просыпаемся от долгой спячки, но как болезненно это пробуждение! Как не хочется видеть вокруг себя погранные идеалы, поруганные честь и достоинство, отсутствие совести у тех, кто руководит и направляет тебя на выполнение плана, скажем, по молоку или по мясу [Кудинова 1990б: 2].

В 1989 г. сход граждан поселка Сосновка выдвинул Л.С. Кудинову кандидатом в народные депутаты РСФСР в противовес кандидату, традиционно спускаемому обкомом «по разнарядке». Инициатива принадлежала преподавателю профтехучилища Н.Д. Варчеву. Людмила Сергеевна к тому моменту имела не только широкую популярность среди населения, но и была парторгом газеты, членом райкома и имела поддержку ряда «прогрессивно» настроенных партийных и хозяйственных руководителей района. Таким образом, райком, как и КПСС в целом, оказался в довольно противоречивой ситуации. С одной стороны, его официальной политикой было, естественно, не допустить избрания Кудиновой. Во все первичные организации было спущено распоряжение, что пройти должен кто угодно, только не она. Всего в кампании участвовало девять кандидатов, многие из которых были выдвинуты, видимо, уже «в альтернативу» строптивой журналистке. Активисты вспоминают энтузиазм, с которым люди помогали организовать предвыборную агитацию Кудиновой (деньги на плакаты, бензин для поездок, затраты нерабочего времени и т.д.), и препоны, с которыми они сталкивались (срывы встреч, слухи и контрпропаганда). С другой стороны, один из инструкторов идеологического отдела сам организовывал встречи Кудиновой с трудовыми коллективами, которые, конечно, не могли состояться без разрешения властей, помогал в составлении программы. Симпатии населения были однозначно на стороне журналистки. Сход граждан, выдвинувший ее кандидатуру, был незаурядным событием. Проходившее в набитом битком зале ДК, это собрание, как вспоминает тогдашний работник райкома, «вылилось в такое ликование! Люди говорили столько много, и столько они говорили о нас плохо, что зал аплодировал ей стоя». На выборах она победила, почти на 10 тысяч голосов обойдя «обкомовского» кандидата.

Основным идейным посылом, с которым автор «Особняков» вышел к народу, было, разумеется, требование «социальной справедливости». Помимо этой основной темы Людмила Сергеевна выступала за демократическую выборность руководителей партии и государства, повышение закупочных цен на сельхозпродукцию, самостоятельность крестьян в выборе форм хозяйствования и открещивалась от принадлежности к «Мемориалу», народному фронту или Межрегиональной группе [Кудинова 1990а: 2]. В интервью автору Л.С. Кудинова

вспоминала: «Идеология была улучшить партию, перетрясти ее всю, чтобы она, наконец, взялась за перемены, за перестройку по-настоящему». Только позднее, под влиянием знакомства со столичными светилами — Ельциным, Сахаровым и другими членами Межрегиональной депутатской группы — она поняла «наивность» своих тогдашних реформистских представлений.

Атмосферу, сделавшую возможными подобные события, сложно понять, не принимая во внимание второе указанное выше изменение: постепенный отказ от сложившихся публичных ритуалов и других форм общественной жизни. С 1985 г. одной из проблемных и вызывающих широкий отклик тем был досуг молодежи: «[П]устующие ДК, скучные казенные мероприятия, закостенелые формы работы с молодежью» [Почта 1987: 1]. В.А. Рожкова не раз писала о «показухе» и «казенщине» в работе школ и учреждений культуры и районного ДК, из-за чего досуг молодежи сводится к «разудалым» танцевальным вечерам, на которых «трезвому делать нечего» [Попова 1987: 4]. Пустота и ничегонеделанье части мужской молодежи приводили к вандализму, хулиганству и бессмысленному воровству. Решение виделось в высвобождении индивидуального действия от чрезмерной ритуализации. Описывая конкурс сельских советов 1987 г. на лучшее исполнение гражданского обряда (имянаречения, помолвки, свадьбы), Кудинова критиковала те из них, в которых за масштабностью и помпезностью «не очень видны сами виновники торжества» [Кудинова 1987: 4]. В статье о Дне пионерии в 1989 г. Рожкова сравнивала его с прежними строго регламентированными праздниками, на которых после маршей, отчетов и речевок выстроенных на площади детей начинало «как косой косить» от обмороков. Отказавшись от заорганизованности и формализма, пионерская организация должна стать местом, где зарождаются «зачатки будущей личности, индивидуальности». На празднике 1989 г. это проявлялось в том, что дети своими словами рассказывали о деятельности и достижениях своих отрядов [Попова 1989: 4]. Пример такого рода отказа от ритуальных форм поведения показал сосновцам ведущий телепрограммы «Взгляд» Александр Любимов, баллотировавшийся в народные депутаты РСФСР от Тамбовской области. На встречу с избирателями он пришел в джинсах и черной футболке с гербом СССР и надписью «Вся власть советам!». В статье об этой встрече Уварова писала о нем как о человеке другой формации и даже «инопланетянине», поражающем своей раскованностью, честностью и неприятием идеалов прошлого [Уварова 1990а: 2].

Однако стремительно ухудшающиеся материальные условия жизни вскоре изменили настроения людей. Последовавшие события 1990–2000-х гг. будут описаны в двух ракурсах:

1) изменения на уровне быта и повседневности будут рассмотрены через призму дискурса об изменении характеров и взаимоотношений людей, 2) идеологические и социально-политические процессы — в рамках рассмотрения представлений о прошлом и «использовании» истории в борьбе за определение ценностей настоящего.

«Деньги погубили русского человека, его душу»

Отношения между людьми в повседневной жизни и связанные с ними правила и микроритуалы повседневности — сложная тема, любые утверждения относительно которой всегда можно подвергнуть сомнению, счесть «субъективными» и непоказательными. Включить ее в беседы с жителями Сосновки я решил под влиянием одного из первых интервью, в котором эта тема была поднята представителем местной интеллигенции: «Все замкнулись, можно так сказать. Все в какую-то раковину забралось, и меньше доверия друг к другу, меньше какого-то расположения или просто [готовности] помочь. <...> Когда-то можно было занять денег, сейчас занять денег это вообще уже становится, в каком-то неродственном кругу — совсем не модно» (м. 1949 г.р.). Структура подобных рассуждений также основана на сравнении этой ситуации с прошлым, советским временем. В 2000 г. «Сосновское слово» опубликовало статью десятиклассницы, в которой она писала о причинах существующей ностальгии по прошлому. Коренные сосновцы, по ее словам, «вздыхают о тех днях, когда на первое мая проходили парады с транспарантами» и в парке устраивались праздники. Походы в кино и даже магазины были поводами для общения, тогда как теперь сосновцы в свободное время «смотрят телевизоры, сидят дома, режутся в карты». Автор письма констатировал дефицит общения в настоящем, который заставляет людей с ностальгией вспоминать прошлое: «Давно в прошлом те дни, когда на улице можно было увидеть то тут, то там небольшие группы людей, весело разговаривающих и улыбающихся. <...> Люди начинают бояться друг друга, потому что совершенно перестали общаться» [Скопинцева 2000: 4].

Многие информанты формулировали свои наблюдения в терминах изменения характера людей и взаимоотношений между ними, используя для современности такие сильные выражения, как злость, зависть и алчность, в противоположность доброте и открытости в прошлом. Эти изменения связываются, как правило, с имущественным расслоением и резким ростом роли денег.

Вот вроде все те же среди нас [в коллективе — С.А.], а отношения другие. Люди стали другими, понимаете? Вот если вот

я вспоминаю, я вышла сюда замуж, приехала сюда в восьмидесятом году. Пришла на нашу улицу. Около нашего дома собирались, свекор мой был гармонист. Вот сегодня, например, праздник такой-то. Они по чуть-чуть выпили, никто не пил, по чуть-чуть! И песни поют, общаются и так далее. Я не хочу сказать, что у меня соседи сейчас плохие. Хорошие, дай бог здоровья всем! Но дом — и все! И забор. Общениа нет, понимаете? Это вот все разделение доходов, оно вот это и вызывает — и недовольство жизнью, и недовольство друг другом. Может, вот это и зависть (ж. 1961 г.р.).

Наблюдения, касающиеся разрушительной для соседских и дружеских отношений роли «зависти» и имущественного расслоения, являются одним из лейтмотивов размышлений сосновцев о трансформациях последних десятилетий.

Общениа почти не стало. Каждый забит своей проблемой, не спешит к соседу на чай. Это раз. Из-за того что все дорого, перестали ездить даже родственники в гости друг к другу. И третье — появилась в людях озлобленность, наверное, из-за того, что кто-то преуспевает, не работая, а кто-то работает и остается на копейках. <...> Когда только изменился наш строй, вы знаете, какие у нас выросли особняки? (ж. 1945 г.р.).

Такие же проблемы испытывают и жители находящегося в нескольких километрах от Сосновки большого села Третьи Ламки. Молодая женщина, председатель сельсовета, отметила характерную черту прошлого: «Как-то проще было что ли. У нас всегда в семье были гости. На все праздники семьи собирались. <...> Сейчас такого нет. Сейчас более обособленно каждая семья». Она назвала несколько факторов, сближавших людей в прошлом. В первую очередь, это отсутствие резкого расслоения, примерно одинаковый уровень жизни. Кроме того, сбор урожая на огородах объединял, как правило, силы нескольких семей, совместно убиравших свои участки. В настоящее время огороды обрабатываются гораздо меньше, люди зарабатывают в основном сезонной работой в Москве. Это приводит как к разнице в доходах, так и к отсутствию времени на поддержание межличностных связей, хождение в гости и совместное отмечание праздников. ДК, бывший центром коллективного досуга еще в 1990-е, утратил эту функцию, уступив ее маленьким барам. Телевидение и распространение Интернета также оказывают влияние. «Обособление» проявляется и в соседских отношениях, отношении к детям:

Сейчас же стараются в дом не заводить, не показывать, что у тебя там есть-то. Вдруг у тебя лучше, кто позавидует. Или вдруг у тебя хуже, чем у другого. А раньше мы скакали, я не знаю

как, ко мне по пять человек приходило и той же булочки, плюшки на всех хватало.

Я же была дитем всей улицы. Мама, не стесняясь, могла меня к одной соседке определить, ко второй соседке определить, к третьей. И люди не отказывались. <...> Сейчас никто не будет сидеть с чужим ребенком. Практически так, скажут, зачем мне эта нагрузка? Вот, что-то в сознании людей все-таки поменялось (ж. 1977 г.р.).

Многие из моих собеседников указывали на негативные изменения отношений между людьми в трудовых коллективах, связывая это с такими факторами, как обострение конкуренции за сокращающиеся рабочие места, возросшая разница в зарплатах, слабая защищенность работников от власти «начальства» и работодателей, исчезновение традиции «наставничества» — шефства старших над новичками. Для понимания современной ситуации, однако, необходимо обратиться к 1990-м гг., времени, к которому, как правило, относят истоки данных проблем. Еще в 1991 г. постоянный автор «районки» писал:

За семьдесят лет жизни при Советах мы стали людьми особого склада. Вместе с хорошим в характере нашего человека все чаще проявляются такие отрицательные качества, как злость, зависть, недоверие. Особенно это проявилось в последние годы. Не выплеснется ли это все наружу во время приватизации, когда богатый станет богаче, а бедные беднее? Не запылают ли усадьбы фермеров, частные лавки, предприятия, не польется ли кровь? [Юрин 1991: 2].

Рубеж 1980–1990-х гг. для Сосновки, как и для всей страны, был, прежде всего, временем тотального дефицита, невыплат зарплат и резкого ухудшения материального положения жителей. Назначенная на начало 1992 г. либерализация цен, по выражению В.А. Рожковой, «вконец разворошила наш людской муравейник», заставила людей скупать все оставшиеся товары и заваливать газету жалобами на нарушения правил торговли: «А люди наши, простые деревенские люди, возвращенные нелепейшим советским идеализмом, все зывают к какой-то справедливости. Хотя сами уже, конечно, ни во что не верят» [Попова 1991: 1].

Одновременно с либерализацией цен в начале 1992 г. районное общественное мнение взбудоражила «некрасивая история», описанная В.А. Рожковой в одноименной статье. Речь в ней шла о новогодних подарках для детей работников районной киносети. Подарочные конфеты и сладости распределялись через райпотребсоюз, известивший руководителей киносети о том, что имеется «разнорядка» на карамель, печенье и помадку

только 28 декабря. К тому моменту детям сельских киномехаников уже были розданы подарки в виде полкило «зелененьких мандаринчиков», поэтому директор и работники бухгалтерии киносети выкупили и разделили между собой одиннадцать корбоб выделенных сладостей. Однако директор кинотеатра написала об этом в газету: «Дети работников киносети! Знайте, конфетки, печенья и шоколадные батончики, предназначенные вам к новому году празднику, съели взрослые дяди и тети из дирекции. Может, им стыдно станет» [Попова 1992б: 2]. Работники бухгалтерии, однако, отказывались признавать свою вину, утверждали, что купили сладости на свои деньги, а директор уже закрытого кинотеатра просто сводит счеты с руководством за увольнение [Устинова и др. 1992: 2]. По поводу этой истории было опубликовано немало писем читателей, откликнулась статья и Л.И. Уварова. Она сетовала на «резкое падение нравов», позволяющие публично защищать столь неблаговидные поступки и жить по формуле «живу, как хочу, делаю, что хочу» [Уварова 1992а: 2]. Более умеренная В.А. Рожкова указывала в качестве смягчающих обстоятельств на общую обстановку «предрыночного шабаша», в котором у многих «что-то с совестью стало» [Попова 1992а: 2].

Настроение, царившее в 1990-е гг. в колхозах и на предприятиях района, часто описывают как в беседах, так и в статьях выразительным словом «растаскиловка»:

Ни для кого не секрет, что сегодня в колхозах-совхозах идет самая настоящая растаскиловка. Люди воруют все, что плохо лежит и что на глаза попадается. И бороться с этим трудно.

Вот, например, доярка, идя с работы, прихватывает баночку молока и в сумке мучицы. Ворует? А может, свое берет, как сказал один председатель колхоза. Если человеку полгода не дают зарплату, то он имеет право выпить стакан молока? Или механизатор на колхозном транспорте поехал себе за дровами — его наказать? А он тоже без денег сидит, и у него семья [Уварова 1994г: 2].

Уже в 1992 г. Уварова характеризовала положение, сложившееся на фермах района, как нетерпимое:

Во-первых, отсутствие дисциплины среди животноводов. Доярка может запить, загулять, опоздать на работу. Скотник тоже может не выйти. Опаздывают подвозчики кормов, равнодушны к своей работе зооветспециалисты. Во-вторых, свою озлобленность, усталость от такой жизни, животноводы переносят на животных. Прошли те времена, когда к коровам обращались ласково: дочка, матушка, кормилица. Сегодня по фермам гуляет мат-перемат, животных бьют, пинают. А они, живые

существа, замыкаются в себе, не отдают молоко, не набирают привесы. Воистину — у скотины скотская жизнь [Уварова 1992б: 1].



Художник В. Жабский. Слово. 1991, 10 дек. № 6

Колхозники, ставшие получать зарплату в основном «натурой» (молодняком, комбикормом и т.д.), делали ставку на личное подсобное хозяйство. Рабочие предприятий Сосновки столкнулись с сокращениями и безработицей. К 1994 г. многие из предприятий оказались на грани банкротства, работники либо сокращались (главным образом женщины и молодежь), либо сидели без зарплат, подрабатывая, к примеру, уборкой полей окрестных колхозов. Проницательный наблюдатель сосновской повседневности В. Рожкова описывала обстановку в трудовых коллективах:

Да, когда-то были наставники. А сегодня медсестра, приближающаяся к пенсионному рубежу, или уже на пенсии, мертвой хваткой, судорожно цепляется за свое рабочее место, когда ей приводят новоиспеченную молодую напарницу. Смотрит на нее не как на продолжательницу своего дела, а как на лишний рот в слаженном рабочем коллективе.

Ситуацию усугубляли беженцы из стран бывшего СССР:

Вот и едут в Сосновку, не ведая, что у нас теперь даже санитаркой в Дом престарелых — по благу, что место кочегара надо сторожить, когда кто-то из работающих горемык или запьет,

или разморозит котельную. Сближению людей это не способствует, нравственности тем более [Попова 1994: 1].

Сокращения и нарушение трудовых прав были «горячей точкой» середины 1990-х. Руководители убыточных предприятий избавлялись от «балласта», в трудовых коллективах, по словам В. Рожковой, царили «беспредел и самодурство» [Попова 1996а: 3]. Одна из подобных историй дошла до суда и получила огласку благодаря газетной публикации. Маляр-штукатур, женщина с восьмилетним ребенком и мужем-безработным была уволена из муниципального «жилкомхоза», по ее мнению, из-за конфликта с главным бухгалтером. Конфликт имел глубокие «корни»: главный бухгалтер препятствовала получению работницей жилья, в результате чего маляр Нина Михайловна самовольно заняла один из особняков известного «Хамского поселка». Ей удалось получить ордер и отстоять право на это жилье в суде. Однако она оказалась в соседстве с дочерью главбуха, проживавшей в «особняке» рядом и также работавшей в жилкомхозе. Соседский конфликт, начавшийся с детей, привел к обещанию, что «в коммунальном ей не работать», что и было вскоре исполнено [Попова 1996б: 3].

Более масштабные столкновения и противостояния между рядовыми работниками и руководством вытекали в бурные общие собрания, на которых решались судьбы предприятий. К примеру, мясокомбинат, бывший ранее столь престижным местом работы, к 1996 г. оказался на грани банкротства: он не выдерживал конкуренции других производителей, колхозы и совхозы переставали поставлять скот. Чтобы избежать окончательного краха, директор решил продать предприятие крупному тамбовскому заводу. На общем собрании выяснилось, что руководство и инженерно-технические работники выступают за продажу предприятия, а рабочие против. Дебаты по этому поводу позволили вылиться накопившимся претензиям работников к руководству. Рабочие отстаивали право своего предприятия на самостоятельность, однако уже через год завод окончательно встал [Уварова 1996а; 1996б: 2]. На собрании хлебозавода в начале 1997 г. председатель районной потребительской открыто обвинялся в обогащении и строительстве «особнячка» за счет предприятия [Попова 1997: 2].

Главными героями «растасиловки», однако, были руководители колхозов и предприятий, имевшие возможность контролировать и направлять этот процесс. Л. Уварова описала целенаправленный развал одного из сосновских предприятий в статье «Я б в начальники пошел...» [Уварова 1995в: 2]. Новый руководитель пришел на это предприятие в начале 1990-х, когда «под шумок многие руководители организаций, предприятий

и хозяйств распоясались донельзя. Словно бы кто дал им команду: тащи все, что под руку попадет. И потащили». Таким образом, вскоре оказалось, что на месте принадлежавших предприятию оздоровительного центра, столовой и бани «можно снимать фильм о войне», работники бухгалтерии выкупили по остаточной стоимости компьютеры и телевизоры, а машины развезли по домам шоферы. В обанкротившемся в 1998 г. транспортном предприятии некоторые водители смогли выкупить камазы, однако многие были «выброшены на обочину», а коллектив «акционеров», по словам В. Рожковой, «по самое горлышко хлебнул за эти годы самого настоящего холопства» [Попова 1999б: 3]. Не удивительно, что на собраниях, прошедших вслед за банкротством и уходом руководителя «по собственному желанию», коллектив «разбушевался» и требовал расследования и суда над директором.



Художник В. Жабский. Слово. 1993, 6 нояб. № 105

Поведение властей и руководителей в эти годы до сих пор остается тем фактором, на который обращали внимание мои собеседники, анализируя причины протестов и настроений населения:

Власть повела себя не так. <...> А потом пошло на производстве закрытие, распродажа техники, когда переходили от колхозов к СХПК¹. Тут люди-то видят, что мутная вода, в мутной воде, говорят, ловится рыбочка. Тут обозленный народ уже пошел. Они

¹ Сельскохозяйственные производственные кооперативы.

себе хапают, как мы все всегда говорили, а мы... <...> Вот эта озлобленность, она и пошла оттуда, она пришла и сейчас. Видя, что одни имеют магазины, имеют жилье, <...> а мы, который простой народ, работал на зарплаты, так на дне и остались. А по уму, по профессионализму, многие люди остались на дне из-за строения ума и человечности, и политического такого взгляда, что это нужно для народа, не для личности, а для всех и вся. А они вот именно вырвали для себя (ж. 1953 г.р.).

Протесты со стороны рядовых сосновцев в 1990-е гг. были распространённым явлением, особенно заметным по сравнению с отсутствием подобной социальной активности в последующее десятилетие. Первая акция прошла в Сосновке 19 августа 1989 г., когда водители маслосырзавода, не добившись решения своих проблем на предприятии (они требовали соблюдения графика работы и отпусков, оплаты сверхурочных и т.п.), вывезли свои молоковозы на центральную площадь перед зданием райкома — место всех митингов и праздничных гуляний — и были приняты первым секретарем [Уварова 1989в: 1]. В дальнейшем, однако, безусловным лидером и организатором протестной активности стал профсоюз работников образования. Уже в 1991 г. его председатель предупреждала районные власти, что чаша терпения учителей переполнена [Морозова 1991: 1].

Помимо общих для многих категорий жителей проблем, учителя имели и специфические: они зачастую не могли отоварить талоны в магазинах, так как это делалось в основном по утрам, во время уроков, в сельские школы не завозилось топливо, не проводился ремонт, перестали выплачиваться деньги на учебники и методическую литературу и т.д. Сельский учитель постепенно переходил на натуральное хозяйство, вынужден был вставать в пять утра, чтобы управиться со скотиной, и, по словам Уваровой, даже на уроках думал о том, что «корова что-то приболела, а поросенок плохо ест». «Учителя стали жить обособленно, каждый ушел в себя, потерялось чувство коллективизма, просто не хватает душевных сил на борьбу за выживаемость» [Уварова 1995б: 2]. Учителя вспоминают, что в те годы приходилось в значительной степени опираться на помощь, которую оказывали их жившие в деревне родители продуктами и пенсией, много занимать. В интервью В. Рожковой накануне 1 сентября 1998 г. учитель с тридцатилетним стажем благодарил «бывших двоечников, которые стоят сегодня на базаре: относятся с пониманием, выручают — дают займы» [Попова 1998а: 1].

Свидетельством ситуации в школе может служить опубликованное в «Сосновском слове» письмо учащихся Третье-

леволамской средней школы Сосновского района президенту Ельцину:

Уважаемый Борис Николаевич!

Обращаются к Вам учащиеся Третьелеволамской средней школы с просьбой — обратить внимание на образование.

Большинство наших родителей работают в колхозе, заработную плату не получают уже три года, мы не имеем возможности купить учебники и все учебные принадлежности. Те учебники, которые когда-то давали бесплатно, пришли в негодность. Наглядных пособий нет, не проводятся лабораторные и практические работы.

Школа не ремонтируется уже десять лет — нет средств, холодно — не хватает топлива.

На питание детям в столовой деньги не отпускаются, а родители заплатить не могут. Очень тяжело усваивать новую программу на голодные желудки и поступать в высшие учебные заведения.

Уважаемый Борис Николаевич! Убедительно просим Вас, чтобы учение в высших учебных заведениях было бесплатным, т.к. наши родители не в состоянии оплатить обучение, и мы пополняем армию безработных и преступников [Лукина и др. 1998: 3].

Переломом, приведшем к всплеску забастовочного движения, стало, возможно, решение районной власти в 1996 г. об отмене для учителей льгот на коммунальные услуги. С этого времени пикеты и забастовки шли плотной чередой: 4 октября 1996 г. — пикетирование здания администрации, март 1997 г. — однодневная забастовка в 29 школах района, апрель и октябрь 1998 г. — митинги в поддержку всероссийских профсоюзных акций, забастовки, ноябрь — бессрочная забастовка в четырех школах, февраль 1999 г. — пикетирование администрации, забастовки в 22 школах [Попова 1999а: 3]. Все эти акции проходили под руководством Валентины Ивановны Морозовой, председателя районного профсоюза работников образования в 1987–2000 гг. Под влиянием невыплат зарплат и прочих трудностей профсоюз в 1990-е гг. постепенно переходил от собственной ему в советские годы функции организации «культурно-массовой работы» и распределения путевок к все более жесткой конфронтации с властью. Работники администрации пытались разными способами сместить неугодного лидера, но благодаря поддержке учителей района Валентина Ивановна выходила победителем в этих конфликтах. Несмотря на это, ее основным стремлением было «найти контакт с органами власти», сделать так, чтобы «и овцы были целы, и волки сыты» (интервью автору). Сложность положения председателя

профсоюза проявлялась в почти курьезных случаях, когда она должна была вместе с главой администрации района и по его просьбе посещать и «успокаивать» учителей во время ею же организованной забастовки. Подводя итоги своей профсоюзной деятельности, В.И. Морозова сказала в интервью автору:

В целом я довольна, что поработала в профсоюзной организации. <...> Я когда не работала в профсоюзе, думала, что если руководитель сказал, я должна беспрекословно выполнять, потому что и в семье так воспитывали. Прав он, не прав... Но я в профсоюзе научилась видеть то, что я ранее не видела. Я научилась видеть, слышать человека, не только слушать, но и слышать рядового человека — учителя, уборщицу, завхоза — и понимать человека я научилась в профсоюзе.

В 2000-е гг. ситуация изменилась. Происходит массовый выход учителей из профсоюза. После ухода с должности председателя В.И. Морозовой не удалось найти столь активного лидера. Однако более важной причиной, видимо, является изменение характера трудовых отношений в сфере образования. Бывший заместитель главы района привел в интервью характерный пример. В 1990-е учителя и другие работники социальной сферы проявляли большую протестную активность, и властям приходилось давать им отчет: «Меня они как зама по социальным вопросам трясали в каждом коллективе, пока душу не вытрясут, пока я зеленая из аудитории не выйду, они меня не отпустят». В 2000-е учителя «замолчали»: «сейчас боятся, особенно работники социальной сферы». Директорский корпус «замолчал» после волны увольнений директоров школ (согласно новому Трудовому кодексу руководителя можно уволить без объяснения причин). В результате никто не сопротивляется происходящим в данный момент «филиализации» и закрытию сельских школ.

Определенный дефицит лидеров также влияет на ситуацию. Многие мои собеседники отмечали, что нынешние сосновцы «никому не верят». Такое отношение к политике во многом сформировал опыт 1990-х гг., и подобные мнения высказывались уже тогда: «Уж какие надежды возлагали на Кудинову Людмилу Сергеевну и ошиблись. А мы удивляемся тому, что люди не идут голосовать, никому и ни во что не верят. На то есть причины» [Юрин 1995: 4]. В декабре 1990 г. Людмила Сергеевна опубликовала в Тамбове статью про злоупотребления в Сосновском райпотребсоюзе. Эта статья, однако, вызвала ответную реакцию: районная газета выступила с опровержением от лица работников торговли и обвинениями Кудиновой не только в стремлении к «мгновенной популярности», но и в том, что «сама доставала стройматериалы где придется,

цветной телевизор купила вне очереди, ванну для родителей через председателя» и т.п. [Терновская 1991: 2]. После суда газета вынуждена была принести извинения, однако вскоре отношения между редакцией и бывшей журналисткой были окончательно испорчены во время запутанной истории с освещением в газете событий 19–21 августа 1991 г. В рассказе Кудиновой об этих событиях, в которых она приняла активное участие на стороне демократов, был такой эпизод: «Домой, в Сосновку, мы прибыли уже в полночь. Светланка, дочь, не спала. На ней не было лица. В очереди за хлебом она услышала: “Слава богу, хотя порядок наведут. Ну, теперь Кудинову посадят”» [Кудинова 1991: 1].

В 1993 г. конфликт между газетой и депутатом разгорелся с новой силой. Поводом послужил отказ Людмилы Сергеевны оказать финансовую помощь возглавляемой одним из журналистов группе «Поиск», занимавшейся восстановлением истории судеб тамбовских солдат, пропавших без вести во время Великой Отечественной войны. Нелицеприятному обсуждению на страницах газеты подвергались разные стороны деятельности депутата, однако лейтмотивом всех публикаций было разочарование в «демократах» и обвинение их, и Людмила Сергеевны в частности, в присвоении еще больших «привилегий», чем те, с которыми они боролись в начале своей политической карьеры. В газете появлялось все больше публикаций с обвинениями политика в присвоении различных благ и в отсутствии с ее стороны какой-либо помощи жителям Сосновки (к тому моменту Л.С. Кудинова занимала должность заместителя губернатора Тамбовской области). Разочарованные избиратели стали объяснять всю историю «хождения во власть» рядового сосновского жителя исключительно корыстными мотивами: «Рай капиталистический обещал нам представитель президента В. Давитулиани. «Мы покончим со всякими привилегиями», — заверяла Л.С. Кудинова. А сами уже тогда мечтали о больших участках земли, оттяпанных у колхозов, шикарных квартирах в городах, визитах за границу на народные деньги, персональных лимузинах и т.д.» [Юрин 1993: 2]. Авторитет демократов стремительно падал. Сосновский район вместе со всей Тамбовщиной вошел в так называемый «Красный пояс», главную электоральную поддержку коммунистов, и даже в 2000 г. «если бы Россия проголосовала как наш район, президентом стал бы Г. Зюганов, если бы как область, потребовались бы новые выборы, но Россия проголосовала как Россия» [Если бы Россия 2000: 1].

К 1998 г. социальная напряженность достигла критического уровня. Общий кризис усугублялся в Сосновке неожиданным новогодним «сюрпризом» правительства, вычеркнувшим



Художник В. Жабский. Слово. 1993, 9 сент. № 82

поселок из списка населенных пунктов, жители которых имели право на «чернобыльские» льготы, называвшиеся в народе «гробовыми». Комментируя это взволновавшее все Сосновку событие, В.А. Рожкова напоминала читателям, что «в наше время нельзя забывать печальную, проверенную на практике истину: каждый последующий год хуже предыдущего» [Попова 1998г: 2]. Демонстрации перед зданием администрации впервые стали проходить под отчетливо политическими лозунгами против реформ, президента и «режима» в целом. На этом фоне популярность набирала Л.И. Уварова. Заняв еще в начале 1990-х гг. резко критическую по отношению к реформам позицию, она была ведущим публицистом «Слова». В 1996 г. Уварова уволилась из газеты и занялась разнообразной общественной деятельностью: «Человек жизнедеятельный, активный, она не могла удовольствоваться званием пенсионерки. Собрала вокруг себя недовольных, а их много — пенсионеры, безработные — “и подняла их на борьбу за порушенные права”. Словом, занялась, если можно так выразиться, правозащитной деятельностью: организовывала собрания и митинги, писала протесты и жалобы, сама, говорят, ездила с челобитными по городам и весям» [Колебанов 1999: 2]. Один из таких митингов, организованных Уваровой, состоялся в июле 1998 г., после того как по поселку поползли слухи о распоряжении администрации сократить пенсии до минимума. Отчет об этом

митинге, опубликованный в газете, обвинял бывшую журналистку в «легкомысленности» и провоцировании скандала. На встречу с митингующими вышел заместитель главы администрации по социальным вопросам, однако «[и]нформация должностного лица явно не удовлетворила лично Л.И. Уварову и бестактными репликами она лишь подогрела пенсионеров. В итоге “митинг” превратился в грязный балаган, завершившись обвинениями и оскорблениями в адрес властей» [Нагайцева 1998: 2].

Вскоре после этого произошла странная история, положившая конец «правозащитной» деятельности Людмилы Ивановны и, видимо, заставившая ее покинуть Сосновку. «По Сосновке уже давно катится слух: дескать, публичный дом строится», — констатировала газета в январе 1999 г. Слух относился к четырехэтажному особняку, возводившему местным предпринимателем на окраине поселка. Хозяин стройки невозмутимо пояснил журналисту, что он действительно планирует ресторан и «гостиницу с уютными номерами», однако местным «бабонькам» беспокоиться не стоит: заведение будет рассчитано на бизнесменов из крупных городов, которые захотят «оттянуться с любовницей» вдаль от лишних глаз [Симонова 1999: 2]. А спустя два месяца главный редактор «Сосновского слова» поведал читателям историю о том, что Л.И. Уварова вымогала деньги у предпринимателя, шантажируя его разоблачениями в тамбовской прессе. Автор утверждал, что бывшая журналистка была поймана с поличным, и призывал сосновцев быть бдительными «при выборе кумиров» [Колебанов 1999: 2]. Эта история должна была, по-видимому, еще раз продемонстрировать жителям района тот факт, что за «хождением во власть» и вообще любой формой общественной деятельности может стоять лишь корысть и неразборчивость в средствах.

Схожие мотивы проявились в освещении В.А. Рожковой конфликтов, вышедших на первый план на рубеже 1990–2000-х гг. и связанных с газификацией поселка. Газ был проведен в дома жителей поселка лишь в 1990-х гг., что легло дополнительным грузом на скудный бюджет сосновцев. Сделать это смогли не все, и беднейшая часть населения оказалась готовой «подключиться» к газовой трубе лишь к концу десятилетия. Однако подключившиеся ранее стали своего рода собственниками-монополистами, от которых зависело это подключение. На некоторых улицах оно проходило бесплатно или за умеренный процент, однако было немало конфликтов. Симптоматично, что в центре одного из них оказались обитатели того же «Хамского поселка», потребовавшие за подключение опоздавших непомерно высокую плату. Освещая этот конфликт, журналистка размышляла о «коммунистах-капиталистах»: «Мы сегодня

одной ногой еще “тут” — другой уже “там”. Коммунисты-капиталисты. “Все смешалось в доме Облонских”. <...> Как быстро от лозунга “человек человеку — друг”, переметнулись к “человек человеку — волк”» [Попова 1998г: 2]. «А мы пожинаем то, что посеяли: злобу, алчность, агрессию, чуть не начало гражданской войны в Сосновке» [Попова 1998д: 4].

Освещая газовые войны в Сосновке и неблагоприятную роль в них бывших коммунистов, В.А. Рожкова писала: «Коммунисты, по книжным представлениям, это те, кто последнюю рубашку простонародью отдадут. А капиталисты, опять же, как учили, это те, кто из своего капитала извлекает свою выгоду» [Попова 1998б: 4]. Разницу в системе ценностей и воспитании, конечно, чувствуют многие. В интервью автору Л.С. Кудинова подтвердила это наблюдение:

Всегда внушалось, что ты должен о других думать прежде всего, а потом о себе. Это и дома внушалось, и воспитателем, и учителем. Я по себе знаю, мне всегда говорили: ты должна думать о других! Мне отец сказал, когда я уезжала в Москву: не смей там взять квартиру, как другие депутаты взяли. Ты меня опозоришь. Я ключи подержала, сходила, посмотрела ее, но я отказалась, потому что мне было стыдно. Я же обещала людям, что я вернусь в Сосновку. Я отцу обещала... А начиная где-то с середины девяностых идет другая концепция. Ты должен думать, как прожить в жизни, ты должен быть инициативным. Это хорошо. Мое мнение такое, что коллективизм и инициатива — они мало сочетаются, к сожалению, друг с другом. Вот если бы природа так распорядилась, чтобы можно было и учитывать интересы коллектива, и самому, никого не обидя, пробиваться — это очень сложно.

Произошедший идеологический и психологический перелом привел к осмыслению советского опыта, что отразилось в многочисленных публикациях авторов и корреспондентов «Сосновского слова». Публикации и интервью показывают, как эти представления становятся аргументом в отстаивании определенных ценностей и образа жизни. К примеру, противостояние газеты и депутата Л.С. Кудиновой выразилось в споре вокруг обращений «товарищ» и «господин/госпожа». В ответ на обвинения Л.С. Кудиновой в том, что «Сосновское слово» организует против нее «пропагандистскую шумиху» и «формирует образ врага народа», главный редактор С. Колебанов писал:

Госпожа Кудинова...

Звучит-то как: Госпожа!!! Аж слезы просятся на глаза, и хочется упасть на колени, воздев руки вверх, к небу, к Господу, к Господжам. Спасибо родной, доморощенной демократии, что мы

наконец-то стали не товарищами, потому что это слово, говорят, происходит от слова «товар», а Господами. <...>

Черт возьми! А приятно чувствовать себя господином! Так и хочется задрать штаны и, как Есенин за комсомолом, бежать за демократами. И слова-то, слова-то какие: «Мисс, кофе в кабинет, пожалуйста!» «Сэр! Ваш мерседес у подъезда!» — но у редакции одна машина, которая «до ближайшей остановки не доедет» [Колебанов 1993: 2].

Далее автор признавался, что чувствует себя «товарищем», так как у него нет ни квартиры в Тамбове, ни автомобиля, ни дачи. Другая статья была так и озаглавлена «Как вас теперь называть?». Журналист и глава клуба «Поиск» В. Мединский недоумевал, «почему с такой издевкой называет Людмила Сергеевна меня и моих собратьев по перу господами, ведь так теперь принято между новоявленной властью. Скорее Вас, уважаемая Людмила Сергеевна, надо величать госпожой» [Мединский 1993: 1]. Другой автор в статье с характерным названием «Ничему не верю» объяснял свое неприятие нового обращения схожим образом:

В редакцию стали приходить письма, в которых уже фигурируют обращения госпожа, господин. Товарищ начисто забыто. <...> Господин же связано в моем понятии с кем-то или очень благородным, или очень далеким от нашего бытия. Ну а какой господин может быть от сохи или уборщица, например. Привет, господин алкоголик! [Ларина 1993: 3].



Художник В. Жабский. Слово. 1993, 6 нояб. № 105

История

Историческая память, с одной стороны, служит объектом воздействия и манипуляции, с другой — отражает ценности и реальный исторический опыт. В данном разделе я рассмотрю изменения, которым подверглись в рассматриваемый период представления жителей Сосновки и окрестностей о советской истории, опираясь главным образом на публикации «Ленинской правды / Слова / Сосновского слова».

Наглядным выражением официальной интерпретации прошлого в позднесоветское время было празднование семидесятилетия Октябрьской революции. После традиционного прохода колонн трудовых коллективов и выступления официальных лиц на центральной площади Сосновки началось театрализованное представление, в ходе которого «сама семидесятилетняя история нашей страны проходит перед собравшимися». Перед зрителями предстали те, «кто утверждал Советскую власть, кто защищал ее в годы гражданской и Великой Отечественной войн, осуществлял программу индустриализации и коллективизации социалистической экономики». Перестройка представлялась продолжением «революционных преобразований», и вслед за героями прошлого шли колонных тех, «кто ныне своими руками созидает будущее» [Октябрьские дни 1987: 1].

За год до юбилея районные власти и редакция «Ленинской правды» объявили конкурс историко-краеведческих статей. В результате вышло более пятидесяти публикаций, с воспоминаниями выступили непосредственные участники событий, комсомольские и партийный работники 1920–1930-х гг., ветераны Великой Отечественной войны. Они вспоминали голодное существование, которое владели их отцы и деды до революции, и энтузиазм, с которым осуществлялись коллективизация и культурная революция на селе. Первая премия, однако, не была присуждена никому, так как одним из условий конкурса был показ «связи поколений», того, как «на опыте и славных делах старших ведется воспитательная работа в трудовых коллективах в наши дни» — задача, с которой никто из конкурсантов не справился.

На 1989–1990 гг. приходится пик дискуссий и критических выступлений о прошлом. Ветераны колхозного движения начинают вспоминать о «перегибах» и «закручивании гаек» командно-административной системы. Один из них, продолжая считать колхозное движение в целом благом, вспоминал, как отказался снимать бабушкины иконы, не подчинившись требованию райкома [Уварова 1989а: 2]. Другой сожалел о раскулачивании и о том, что в те годы не было аренды земли

[Уварова 1989б: 2]. В 1990 г. официальной точкой зрения райкома стало представление, что «курс, взятый в стране после смерти Ленина, был неверным», государство «брало от трудящихся масс все <...> не давая взамен практически ничего» [Юрин 1990: 1–2]. Вскоре вышел номер газеты, целиком посвященный репрессированным жителям района. В передовой статье этого номера главный редактор С. Колебанов писал о «крови и страхе» сталинских репрессий, а фраза «давайте сделаем все, чтобы фашизм не вернулся ни под каким обликом» прозрачно намекала на сравнение двух режимов [Колебанов 1990: 1].

Однако критическая волна переосмысления прошлого была вскоре перекрыта волной гораздо более интенсивного недовольства настоящим, в свете которого проходили в Сосновке все дальнейшие дебаты о советском. Важную роль в этих дебатах играли публикации Л.И. Уваровой. Уже в конце 1990 г. она выступила со статьей «Чему радовалась?», выражавшей ее разочарование в Горбачеве и идеях перестройки. Новизна первых митингов и выборов сменилась усталостью и отчаянием:

За пять лет развалено все, что можно было развалить! Союз, армия, дисциплина, нравственность, патриотизм. Уже нет ни Зои Космодемьянской, ни Александра Матросова, ни идей, ни веры. Только доллар, только грезы о сказочной жизни там, только желание ухватить, достать, растоптать рядом стоящего и ухватить хоть день, а свой, для себя только [Уварова 1990б: 1].

В письмах в редакцию все чаще стало звучать недовольство «охаиванием» прошлого. Главным аргументом в них был образ рядового колхозника/цы старшего поколения, прошедших войну, голод и лишения послевоенного времени, честно проживших жизнь и тяжелым трудом создававших благополучие страны: «Люди эти работали от зари до зари, для них общественное всегда было выше личного, они не роптали на трудности, умели терпеть и любить свою землю истово и безмерно» [Михальцова 1990: 3]. В 1990-е гг. газета продолжала регулярно печатать очерки-портреты о ветеранах, однако в них появились как многочисленные «неприглаженные» черты прошлого, так и противопоставление ценностей, олицетворявшихся этим поколением, современности. К примеру, типичный очерк о супругах-пенсионерах рассказывал историю выпавших на их долю военных лишений, ударного и практически бескорыстного труда: «Иван Никитович после войны этот колхоз на своих плечах поднял, сил-здоровья для него не жалел. Хором себе не построил, так, есть маленькая избенка и ладно. Не в пример сегодняшним удалцам, которые год-другой отпредседательствуют, теремок себе отгрохают, хозяйство развалят и улыба-

ются» [Уварова 1995а: 2]. Мотив «порушенной веры» старшего поколения доходил в публикациях «Слова» до трагического накала. К примеру, интервью многолетнего председателя колхоза-миллионера «Путь Ленина» в с. Вирятино И.Е. Садовикова заканчивалось такими словами:

Сейчас Ивану Ефимовичу Садовикову, пожалуй, тяжелее всех в нашем р-не <...> теперь, на закате жизни оказалось, что вся-то жизнь пошла псу под хвост. Ему внушают, что она была ошибкой, что зря он надрывал сердце на работе. Он видит, как рушится его детище, как умирают социальные структуры, которыми он привык гордиться. Это же все равно, как присутствовать на собственных похоронах [Уварова 1994б: 2].

Ветераны и представители старшего поколения были, по-видимому, среди наиболее активных корреспондентов газеты и неоднократно высказывали свое возмущение и разочарование тем, как «завоеванное кровью растаскивается всеми, кто во что горазд» [Довгаль 1993: 2]. Так, В. Юрин вспоминал голод 1946–1947 гг., однако только для того, чтобы указать на несправедливость обвинений в адрес старшего поколения:

Нас, старшее поколение, обвиняют в том, что мы плохо трудились, много одобряли там, где надо было возражать, в общем, жили не так, как надо. И не возьмут в толк, а кто же создал все то, что сейчас так нещадно проматывается. Кто держал на своих плечах армию? Кто кормил раздутый до предела и никому не нужный бюрократический аппарат? Так вот все это, излишнее и мешающее обществу, и надо было сокращать и убирать, а не рушить то, что работало [Юрин 1991: 2].

Упомянутые выше обвинения в районной газете, однако, найти трудно. Все авторы признавали непререкаемый авторитет этого поколения, а В.А. Рожкова противопоставила «поколение победителей» своему, «потерянному»: «А мы? Так и уйдем с ярлыком потерянного поколения, с комплексом неполноценности в душе?» [Попова 1993: 3].

Нельзя сказать, что в районной газете не раздавалось голосов, критически оценивавших советский опыт. Довольно распространенным, особенно на рубеже 1980–1990-х гг., было сетование на то, что крестьянина лишили чувства хозяина, превратили в «батрака», что «колхозно-крепостные порядки» погубили деревню. Однако даже в это время в ходе ожесточенных споров о путях развития деревни многие авторы вспоминали доколхозное время в самых мрачных красках. Ветеран труда А. Лукин, предостерегая против жестокости частного капитала и землевладения, вспоминал рассказ своего дяди о том, как тамбовский фабрикант спустил собак на слепого старика, всю

жизнь проработавшего на его фабрике [Лукин 1991: 2]. Другой автор приводил собственные детские воспоминания о работе батраком: «Хозяин заставлял работать от зари до зари. Кормил остатками со стола, спать разрешал на полу у порога. На день давал бутылку снятого молока и кусок хлеба. Жестокий богач-кулак, как огромный раздутый паук и сейчас стоит перед глазами» [Зверев 1990: 2]. Такие понятия, как «господа», «батраки» и даже «рабы» приобрели широкое хождение в описании становящегося общества. Посетив в 1992 г. фермы ближайшего к Сосновке колхоза «Путь Ленина» в с. Вирятино, журналист описывал мрачный настрой работников: «Делу, говорят, слухи мешают разные. То вроде колхозы расформируют, то поделят общество крестьян на хозяев и батраков» [Корнеева 1992: 5]. Позднее автор письма в редакцию рассказывал о своем знакомом бизнесмене, мечтающем о том, что «[с]корее бы богатые в законе стали, а остальные рабами будут». Далее, размышляя о будущем, он перечислял знакомые со школьной скамьи образы: «Братцы, куда мы ползем, если даже начинающий миллионер из людей быдло сотворить мечтает. <...> Ваше благородие, “голубая кровь”, “кому бублик, кому дырка от бублика”... и, наверное, “Аврора”» [Филиппов 1994: 1]. Слова «барин» и «помещик» стали характеристикой новых хозяев сосновских предприятий, выражая соответствующее к ним отношение: «Вы бы лучше к нам на спиртзавод приехали. Вот где демократия. Новый директор <...> ведет себя как барин, кричит на всех, груб до невозможности. Что хочет, то и ворочает» [Иванова 1995: 4].

Данные факты исторического опыта и советского образования были идеологически оформлены в серии статей Л.И. Уваровой о «пересмотре» истории на телевидении и в публицистике. Она резко протестовала против радикальной переоценки исторических ценностей, призывая найти «золотую середину»:

Не лучше ли в каждой стороне отметить и хорошее, и плохое. Мне, например, очень обидно, когда день и ночь рыдают о поручике Голицине, забывая тех, кого он расстреливал, как взбунтовавшегося быдло. Сейчас получается, что и А.И. Деникин — человек, и адмирал А.В. Колчак — голова светлая, и барон П.В. Врангель — святой великомученик, а те миллионы лапотных крестьян и голодных рабочих — грязное стадо, не понимавшее, что делало, за кем шло. Но только вот стадо это разбило всех сытых, обутих и одетых сиятельств в пух и прах. И само неграмотное, в большинстве своем, подняло из разрухи страну, вырастило свою интеллигенцию, выиграло еще одну войну и опять отстроило страну [Уварова 1991a: 1].

Телевидение, безусловно, было в Сосновке главным транслятором новой системы ценностей и поведения. Отношение

жителей к «телеящику» в 1990-е гг. было сложной гаммой чувств любви-ненависти. С одной стороны, пристрастие к просмотру сериалов и прочих развлекательных программ было, по-видимому, всеобщим. Так, В.А. Рожкова сетовала на то, что теперь «один бог, которому молятся в каждой семье — телеящик. <...> Всякий здравомыслящий человек понимает, что это дурман, но как наркоман уже не может обойтись без очередной порции наркоты, так и мы каждый вечер послушно ждем свою порцию тележвачки» [Попова 1995: 5]. С другой стороны, многие компоненты этой «тележвачки» вызвали отторжение, что также нашло отражение в суждениях ведущих публицистов газеты. К примеру, «Новогодний огонек» 1993—1994 гг. оценивался Л.И. Уваровой с классовых позиций как «купецкий разгул», отражающий нравы меньшинства, ведущего страну к «зияющим высотам капитализма»:

У меня не только гнев, но и желание набить физию сценаристам вызвали те пошлейшие «куски» с летчиками, крестьянами, рабочими и прочими категориями россиян. Это же как надо ненавидеть все русское, родное, просто человеческое, чтобы так вот изгаляться над большинством людей, осмеять их зло и непорядочно. И тут же, льстиво улыбаясь, склониться перед спонсорами, купчиками с самодовольными лицами [Уварова 1994в: 4].



Художник В. Жабский. Слово. 1991, 24 дек. № 12

Чуть меньше месяца спустя Уварова описывала просмотренную ею церемонию награждения «мастеров шоу-бизнеса» премией «Овация» как «пир во время чумы», в котором роскошные автомобили и норковые манто «хозяев жизни» перемешиваются с «откровенными порнотекстами» и прочими «выкрутасами» [Уварова 1994а: 2]. Особенное недовольство, как видно из интервью, вызывали и продолжают вызывать насилие и откровенные сцены в кино и на телевидении. По мнению старшего поколения, они оказывают разрушительное влияние на молодежь. Учителя высказывают это особенно резко, чувствуя себя в неравном противостоянии этому влиянию:

Телевидение безобразное. Вся эта откровенность... А что эти сериалы? Только убивают, крутые, на крутых машинах с лысыми обритыми головами, это прямо сейчас герой нашего времени. <...> Мы сейчас изучаем «Горе от ума». Вот, как же там — фамусовское общество, а дети-то умненькие, а дети-то говорят: а что же тогда, тогда? А сейчас то же самое. Ведь герой нашего времени кто? Кто имеет крутые иномарки, кто имеет дома. Герой нашего времени, на него завидуют. С него берут, стараются, пример. А молодежи-то хочется, вот и идут и на разбои, и на убийства, и на грабежи <...> В этом отношении в школе стало труднее, намного труднее. Мы им говорим, как нас воспитывали, нравственные вехи-то, а они уже над ними просто улыбаются. Потому что жизнь-то. В школе они получают одно, а жизнь диктует другое. В жизни-то они видят другое. И по телевидению то же самое. Опять показывают эти сериалы, опять эти дома, эти особняки... (ж., 1945 г.р.).

Отношение к кино и средствам массовой информации как к дающим некий пример для подражания, влияющим на ценности и образ жизни людей, является ли это признаком советского воспитания или «логоцентричной» русской культуры, — устойчивое представление в сознании моих собеседников. Поэтому, к примеру, В.А. Рожкова начинает статью о жестоком убийстве, совершенном подростком в 1994 г., именно с суждения о кино:

Пусть мы были наивны в своей лживой идеологии. Но нас все-таки учили, что все решает ум. И что в первую очередь надо учиться, учиться и учиться, как завещал дедушка Ленин и вся коммунистическая [sic!]. Конечно, правда жизни и тогда вопияла «сила есть — ума не надо». Но хотя б это официально не поощрялось. Сегодня все эти заполнившие наши экраны шварценеггеры с вандаммами проповедуют стиль жизни, где все решает хороший кулак. Кто сильнее, тот и первый. Против лома нет приема. Конечно, если ты человек поживший, устоявший, это кино просто приятно пощекочет нервы. И все. А если тебе шестнадцать

и прочие подростковые «надцать», это бесследно не проходит, как корь [Попова 1996в: 3].

Как видно, неприятие посткоммунистического настоящего влияло даже на тех, кто декларировал отрицательное отношение к коммунистам. Так, автор письма с призывом голосовать за Зюганова признавался, что коммунисты и коммунизм никогда не вызывали у него симпатии, так как «райком живьем сожрал моего деда» [Ожогин 1996: 1]. Другой разочаровавшийся демократ, главный редактор «Слова» С. Колебанов, публикуя рассказы А.И. Солженицына, посвященные подавлению «антоновщины» и жестокостям большевиков на Тамбовщине, комментировал:

Слишком крепко вбито в нас другое, однобокое сознание, которое непросто изменить. Сужу по себе. Читаю рассказы Солженицына, а в памяти всплывает иное — как четверть века назад знакомая старушка вспоминала о гибели своей бабушки от рук антоновских бандитов во время их налета на Рассказово. Дед ее был кем-то из активистов, и жене, без суда и следствия, шашкой снесли голову. Это было. И это тоже правда [Колебанов 1995: 1].

Наиболее ярким примером использования советского «образного ряда» для художественного осмысления современности был опубликованный в «Слове» несколько недель спустя подписания Беловежских соглашений рассказ «Возвращение Мальчиша-Кибальчиша. Зимняя сказка». Это был стилизованный «монолог» Мальчиша-Кибальчиша, рассказывающий о его вторичном посещении родины:

И вот мне, Мальчишу, Мальчишу-Кибальчишу, захотелось через столько лет побывать на своей Родине, посмотреть, какой стала она теперь и как сегодня хранят там Военную Тайну. Зимний ясный день наступил, когда я вернулся на Русь. И сразу узнал, что внук моего создателя стал чуть ли не самым наибольшим человеком в ней. И возрадовалось сердце и подумалось мне, что уж он-то, как никто другой, хранит Военную Тайну и не позволит буржуинам командовать там, откуда выбила их доблестная Красная Армия.

Кибальчиша, естественно, ждет горькое разочарование. Он не встречает ни одного улыбающегося лица. Все бегут мимо «с какими-то бумажками в руках, которые называли талонами», и ждут новогоднего подарка от внука Гайдара с непонятным названием «либерализация цен»:

И гремят по ночам выстрелы на дальних и ближних окраинах, и народ идет войной на народ, и ходят по улицам, не прячась, мальчиши-плохиши, и все перед ними расступаются. И стоят неработающие заводы и фабрики, и нет больше доблестной Красной

Армии. И живетя хорошо только буржуинству, с которым я боролся, не щадя жизни своей.

Мальчиш пытается повторить свой призыв, но на него откликается лишь один немощный дед, а Мальчиш-Плохиш объясняет Кибальчишу:

— Не ори, Кибальчиш, никто больше не пойдет за тобой, и сказка про тебя ложь, и никому ты не нужен больше в этой стране. А ждем мы Главного Буржуина с конфетами и пряниками. Он теперь у нас командир [Иванова 1991: 4].

К концу 1990-х — началу 2000-х окончание советской эпохи перестало восприниматься столь драматически. В политико-идеологической жизни тон стало задавать основанное в 1998 г. региональное движение «Возрождение Тамбовщины», объединившее хозяйственную элиту региона. Его лидер, нынешний глава области О.И. Бетин победил на выборах коммуниста А.И. Рябова. Активный участник движения и его представитель в Сосновском районе Владимир Семенович Богомолов проводил различие между советскими политиками, дававшими нереалистичные обещания, и хозяйственниками, осуществлявшими реальные дела. Он призывал «не смешивать политику с экономикой» и считал, что обращение к коммунистическим идеям может свергнуть страну в очередную гражданскую войну [Богомолов 1999: 3]. В интервью автору Владимир Семенович связал свое достаточно скептическое отношение к советской власти с судьбой своего деда-священника, расстрелянного в годы репрессий.

Отходящие в прошлое советские образы и воспоминания окрашивались в элегические тона. Характерна в этом отношении статья В.А. Рожковой в связи с «переименованием» праздника 7 Ноября:

Сегодня давно нет в нашей родимой глуши ни митингов, ни демонстраций в день седьмого ноября. Нет и очередей за колбасой и шампунем. Только отчего ж так грустно?

День седьмого ноября оставили выходным. Объявили днем примирения и согласия. Новым «прощеным воскресеньем». В столице в этот день уже нет разборок между капиталистами и коммунистами. Грани стираются. В Сосновке давно забыли про митинги и демонстрации. Но выходной остался. Чтоб готовить праздничный салат «оливье», ходить в гости, квасить капусту, утеплять окна на зиму, мириться с соседом, с которым однажды поссорился из сущей ерунды [Попова 2003а: 3].

В поздравлениях властей также звучал примиряющий тон, подчеркивающий «процессы единения и консолидации

в обществе» и желающий «добра, радости и счастья» всем, «независимо от политических взглядов, возраста, профессии» [Сегодня 2003: 1]. В статьях о ветеранах исчезло диссонансное противопоставление их достижений и ценностей современности.

С 2000-х гг. характер публикаций «Сосновского слова» заметно меняется. Постепенно сокращается количество критических статей, начинают преобладать официальная информация и интервью с чиновниками, заметки о здоровье, полезные советы и т.д. Газета перестает быть выразителем общественного мнения, вернувшись к свойственной ей в советское время информационно-пропагандистской функции. Жанр письма в газету сменяется мини-открытками со стихотворениями, поздравляющими жителей района с юбилеями и свадьбами. Эти стихотворения, возможно, главный, хотя и своеобразный источник, отражающий ценности жителей современной Сосновки. В отличие от советского времени, когда человек фигурировал на страницах «районки» преимущественно в роли труженика, данные поздравления выражают исключительно ценности семьи, личного счастья и «человеческого тепла» вне зависимости от пола и занятий адресата:

Поменьше горя и тревог,
Поменьше хмурых дней, ненастья,
Лишь только радости, дай Бог.
Пусть небо будет синим над тобой
И счастья полные ладони,
А в сердце ласковым твоим
Пусть никогда не будет боли.

Заключение

Рассмотренный материал подводит к нескольким соображениям теоретического характера. Очевидно, что изучавшийся период в истории Сосновки, как и всей страны, был периодом стремительных изменений во всех сферах жизни и культуры. Антропологи в силу дисциплинарной традиции и господствовавших долгое время синхронных аналитических подходов в гораздо большей степени подготовлены к описанию «вневременных» структур или, по крайней мере, более стабильных исторических периодов. Этим отчасти объясняется неудовлетворенность некоторых современных антропологов гирцевской стратегией «насыщенного описания» и интерпретации культуры как текста. Культура, по их мнению (если вообще использовать этот термин), должна пониматься не как «связная система упорядоченных символов, имеющая собственную логику, абстрагируемую из действий, высказываний и верований

людей», а как «меняющееся, фрагментарное и оспариваемое знание, погруженное в человеческую практику», проявления которого «неизбежно являются аспектами доминирования, власти и сопротивления» [Kalb, Tak 2005: 6]. Как писал Фуко, «история, которая порождает и определяет нас, больше напоминает войну, чем язык: отношения власти, а не значения» [Foucault 1984: 56]. С другой стороны, следует помнить о полезном наблюдении, сделанном И. Хелльбеком относительно истории повседневности. Критикуя тенденцию историков данного направления разводить обыденную жизнь и «идеологию», он указывает на опасность «игнорирования свойственных для того или иного исторического периода концептуальных основ жизни» [Халфин, Хелльбек 2002: 246]. Таким образом, перед устным историком / этнографом / антропологом последних десятилетий отечественной истории стоит непростая задача совмещения прочтения культурных кодов и идеологических представлений людей в соотношении их с анализом практик и социальных отношений, наложивших определяющий отпечаток на эти представления.

Алексей Юрчак сформулировал категорию «внезаходимости» «последнего советского поколения» по отношению к советской идеологии на материале интервью с жителями крупных городов [Платт, Натанс 2010]. Схожие свидетельства имеются и в материалах по сосновской «глубинке». К примеру, в ответ на экспресс-интервью «Слову» 1992 г. по поводу отношения к празднику 7 Ноября Елена, студентка 20-ти лет, ответила:

У нас, «застойной» молодежи, он давно потерял политическую окраску. Мы собирались на залитую кумачем сосновскую площадь не ради пламенных речей во славу Октября. У «нашего» 7 ноября окраска была человеческая, радостная: «И летит мой красный шар прямо к небосводу!» Теперь этой радости не вернуть [Экспресс-интервью 1992: 1].

Однако публикации 1990-х гг. и интервью отчетливо показывают, что расставание с советским прошлым в Сосновке проходило отнюдь не безболезненно, а пришедшие ему на смену реалии зачастую вызывали неприятие и ностальгию по прошлому. Объяснять это при помощи таких категорий, как «традиционализм» и, тем более, «культурная отсталость» провинции представляется не слишком продуктивным. Традиционность и некая размеренность жизненного уклада рабочего поселка и села не помешали всплеску социальной активности конца 1980-х гг. и протестным акциям 1990-х.

Очевидно, что перестройка была воспринята и поддержана жителями Сосновки в первую очередь как очередное движение против привилегий элиты, и ее главным лозунгом стала борьба за

«социальную справедливость», вылившаяся в кампанию против «Хамского поселка». Это движение было типичным примером критики режима с точки зрения господствующей идеологии. В данном случае следует не задаваться вопросом об «искренности» жителей района и их приверженности идеалам уравнительного социализма, а проследить использование существующей идеологии и культурных кодов в социальной борьбе.

«Хамский поселок», как выяснилось, был лишь первой ласточкой грядущих перемен. В отразившихся на страницах прессы бурных дебатах начала 1990-х гг. всплыли такие, казалось бы, забытые понятия, как «барин» и «батраки», «хозяева» и даже «рабы». Характерно, что в записанных мною интервью этих терминов и интерпретации событий с такого рода «вульгарно-марксистской» точки зрения нет. Очевидно, актуализация этих понятий была не столько спонтанным «вспоминанием» марксистской риторики и досоветского опыта, сколько ответом на навязываемые СМИ буржуазные ценности. Культурная ситуация 1980–2000-х гг. действительно схожа скорее с борьбой за «меняющееся, фрагментарное и оспариваемое знание, погруженное в человеческую практику», чем со «связной системой упорядоченных символов». Поэтому «историческая» схема структурирования материала «по хронологии» оказывается, с моей точки зрения, не только композиционно более удобной, но и более полезной эвристически, позволяя описывать эту борьбу как противоречивый развертывающийся во времени процесс. Возвращаясь к «советской субъективности», следует подчеркнуть, что, с точки зрения антрополога, речь может идти не о конструировании некоего «идеального типа» с определенным набором устойчивых характеристик, а об анализе ситуативных, сложно обусловленных и пластичных культурных практик тех или иных групп населения, усваивавших и использовавших отдельные черты советской (менявшейся и фрагментарной) культуры.

Переоценка исторических ценностей в 1990-е гг. отнюдь не означала однозначной идеализации советского строя, однако ценности «социальной справедливости» проявляются как в записанных мною интервью, так и в публикациях, причем они не всегда связывались с ностальгией или позитивным отношением к советской власти. Именно приверженность этим ценностям привела население Сосновки к резкому столкновению с партийно-номенклатурным режимом в эпоху перестройки. Современность дает мало шансов открытому проявлению подобных настроений. «Усталость» и разочарованность в политике и любых формах общественной активности сопровождаются растущей атомизацией населения, «уходом» в узкий

семейный круг, концентрацией на материальных устремлениях и проблемах. Споры о формах обращения устоялись на нейтральных «мужчина/женщина», а общественные мероприятия и праздники последних лет в стремлении, с одной стороны, к деидеологизации, с другой — к некоему «общему месту» также посвящены наиболее базовым характеристикам человека (День семьи, молодежи, пожилых людей и т.д.). Следует ли считать ценности социальной справедливости, разделявшиеся большинством сосновцев, чертой «советской субъективности»? Исчезнет или трансформируется эта идея в сознании последующих, постсоветских поколений?

Связь интерпретаций прошлого с насущными социальными проблемами демонстрирует оригинальный анализ В.А. Рожковой проекта «Старые песни о главном», успехи и неудачи которого она ставит в зависимость от «перепеваемой» эпохи. Первую серию со ставшими застольными песнями 1940–1950-х гг. в Сосновке ждал оглушительный успех. Песни 1960-х также были встречены положительно: «И несмотря на то, что мы в те годы были далеко уже не монолитная масса, они опять прекрасно легли и в общую канву сюжета и наши общие души». Однако к 1970-м «советский монолит» уже распался: «[М]ы уже не были единой монолитной социалистической массой, а уединялись в уголках по интересам» [Попова 1998в: 1]. Соответственно «Старые песни о главном — 3», показанные в 1998 г., оказались обреченными на неудачу. Очевидно, что подобный взгляд на прошлое связан с широко распространенным дискурсом о зависти, обособленности и дефиците общения, об актуальности которого до настоящего момента свидетельствуют интервью. Избирательность исторической памяти проявляется и в том, что мои собеседники почти не упоминали о существовании «зависти» в советское время. Можно выдвинуть гипотезу, что это связано с изменением ее объекта: если раньше таким объектом служили, видимо, в основном руководители и работники торговли, то впоследствии отношения неравенства распространились среди всей массы населения. Содержащиеся в интервью критические оценки последствий этого говорят о важности для моих собеседников ценности общения и поддержания гармоничных социальных связей. Является ли это признаком воспитывавшегося в советских людях коллективизма, и каким образом трансформируется данная потребность в представителях более младших поколений?

Мои собеседники описывали изменения в человеческих отношениях в терминах изменения характеров самих людей. Анализируя эти сообщения, следует избегать как наивности, принимающей утверждения типа «люди стали более злыми» за

эмпирически установленный факт, так и цинизма, списывающего со счета размышления людей над своей жизненной ситуацией и оперирующего готовыми «истинами» вроде того, что люди всегда недовольны настоящим, идеализируют прошлое и раньше «трава была зеленее». Ричард Сеннетт проанализировал разные аспекты трудовых отношений и ценностей в условиях «позднего капитализма» в книге с характерным названием «Коррозия характера». «Характер», однако, понимается Сеннеттом не в повседневном значении, а как некий тип человека и работника, существовавший в эпоху «жестких» бюрократических структур (фирм, профсоюзов и т.д.) капитализма конца XIX — середины XX в. и ориентированный на веберовскую трудовую этику. Сеннетт прослеживает изменения, которые вносит режим «нового» капитализма (установившийся с началом неолиберальных реформ 1970–1980-х гг.) не только в трудовые отношения, но и в экзистенциальные основы человеческого существования, такие как способность устанавливать долгосрочные отношения с коллегами и другими людьми, «выстраивать» историю своей карьеры и жизни как связный нарратив, отношение к работе как «делу жизни» (либо набору часто сменяемых и «поверхностных» навыков) и т.д. [Сеннетт 2004; Sennett 2005]. Коренные изменения в жизни индивида вызваны, с его точки зрения, переходом от «патерналистского» капитализма к системе «гибких» социальных структур современности. Рассмотренные Сеннеттом процессы, равно как и его метод, несмотря на «америкацентризм» работ социолога, могут быть полезны для анализа ситуации даже в столь отдаленных от центра мирового капитализма местах, как Сосновка. Кроме того, они помогают не доверять таким чрезмерно идеологически нагруженным категориям, как «наш» коллективизм/общинность и «их» индивидуализм, и обращать большее внимание на конкретные детерминанты социального поведения людей.

Базовый социальный процесс, обусловивший прослеженные в данной статье события и тенденции, также можно определить как переход от «жестких» структур советского времени (стабильная, часто «пожизненная» занятость и прочие хорошо известные социальные институты) к «гибким» реалиям современности: распад крупных трудовых коллективов и безработица, маятниковая миграция в Москву либо «самозанятость» как основные формы жизнеобеспечения, отсутствие внятной системы ценностей и общей идеологии. Это относится и к девальвации ценностей профессионализма и «ремесла», заменяемых чисто монетаристским измерением (в работах Сеннетта — способностью быстро переходить от одной задачи к другой и поддерживать определенную видимость), и к отсутствию

реального, пусть и авторитарного, источника власти, способного решать проблемы населения (райкома в Сосновке или «босса, шелкающего кнутом» у Сеннетта). Отдельная, но, возможно, ключевая для объяснения проблем общения, с которыми сталкиваются сосновцы, тема — это получившая широкое распространение в 2000-е гг. практика трудовой маятниковой миграции в Москву «вахтовым методом». Она является не только важным фактором имущественного расслоения, но и превращает Сосновку, как и множество подобных ей сел, поселков и городов в радиусе более полутора тысяч километров вокруг мегаполиса, в подобие «спальных районов», как известно, мало приспособленных для полноценной социальной жизни. Превратившись в «открытое общество» и перестав быть более-менее автономным социальным телом, Сосновка принимает таким образом участие в процессе глобализации.

В заключение я считаю своим приятным долгом искренне поблагодарить всех собеседников из поселка городского типа Сосновка, нашедших время и желание поделиться со мной своими размышлениями, а также представителей администрации Сосновского района Тамбовской области, оказавших помощь в проведении полевой работы.

Библиография

- Алымов С.* Неслучайное село: советские этнографы и колхозники на пути «от старого к новому» и обратно // Новое литературное обозрение. 2010. № 101 (1) <<http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1717/1754>>.
- Барсенков А.С.* Введение в современную российскую историю, 1985—1991 гг.: Учеб. пособие. М.: Аспект-пресс, 2002.
- Богомолов О.В.* Не смешивайте политику с экономикой // Сосновское слово. 1999, 26 мая. № 60—61.
- Гладилина Т., Скрипова М., Жирякова З., Жданова З.* Нужно принципиальное решение // Ленинская правда. 1989, 5 янв. № 3.
- Гудков Л.* Условия воспроизводства «советского человека» // Вестник общественного мнения. 2009. № 2 <<http://polit.ru/research/2009/11/10/sovhuman.html>>.
- Довгаль И.* Как жить дальше? // Слово. 1993, 17 мар. № 22.
- Если бы Россия проголосовала как наш район, президентом стал бы Г. Зюганов, если бы как область, потребовались новые выборы, но Россия проголосовала как Россия // Сосновское слово. 2000, 7 апр. № 42.
- Забровский А.* Семья Спициных // Ленинская правда. 1987, 7 фев. № 16.
- Зверев Ф.* С решением согласен // Ленинская правда. 1990, 31 дек. № 156.

- Иванова Л.* Без названия // Слово. 1995, 4 янв. № 2.
- Иванова Л.* Возвращение Мальчиша-Кибальчиша // Слово. 1991, 21 дек. № 11.
- Инвестиционный паспорт Сосновского района // Информационный портал органов государственной власти Тамбовской области. Администрация Сосновского района. Сведения о Сосновке. Общая характеристика Сосновского района <http://www.tambov.gov.ru/site/r32/files/Economika/Invest_pasport_.doc>.
- Колесников С.* А мы все верили // Ленинская правда. 1990, 15 дек. № 150.
- Колесников С.* Атака на коммерсанта // Сосновское слово. 1999, 24 мар. № 33–34.
- Колесников С.* Не смей свое суждение иметь! // Слово. 1993, 17 мар. № 22.
- Колесников С. А. И.* Солженицын и Тамбовщина // Слово. 1995, 4 авг. № 91–93.
- Корнеева Л.* Без настроения // Слово. 1992, 11 янв. № 4–5.
- Корнеева Л., Кудинова Л.* Товар... изнанкой // Ленинская правда. 1988, 13 дек. № 149.
- Кудинова Л.* Главный экзамен впереди // Ленинская правда. 1987, 28 июля. № 90.
- Кудинова Л.* Дефицит. Кто и зачем его создает? // Ленинская правда. 1988а, 25 фев. № 24.
- Кудинова Л.* Закон для всех одинаков // Ленинская правда. 1990а, 13 мар. № 30.
- Кудинова Л.* Особняки, или О том, почему строительство их в Сосновке приняло широкий размах // Ленинская правда. 1988б, 22 дек. № 153.
- Кудинова Л. С.* Переворот // Ленинская правда. 1991, 5 сент. № 33.
- Кудинова Л.* Точку ставить рано. К вопросу о вирусе исключительности // Ленинская правда. 1990б, 11 янв. № 4.
- Кушнер П. И., Крупянская В. Ю., Пушкарева Л. А., Ожогин С. М., Шмелева М. Н., Чижикова Л. Н.* Село Вирятино в прошлом и настоящем: Опыт этногр. изучения русской колхоз. деревни. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.
- Ларина Л.* Ничему не верю // Слово. 1993, 13 июля. № 56.
- Лукин А.* А если подумать? // Ленинская правда. 1991, 22 янв. № 8.
- Лукина и др.* Школьники пишут президенту // Сосновское слово. 1998, 4 мар. № 28–29.
- Мединский В.* Как Вас теперь называть? // Слово. 1993, 10 апр. № 20.
- Михайлова Л.* Люди ей верят // Ленинская правда. 1985, 21 мар. № 34.
- Михальцова Г.* На них держалась вся Россия // Ленинская правда. 1990, 30 окт. № 130.
- Морозова В.* Пока не бастуем, но чаша терпения переполнена // Ленинская правда. 1991, 23 нояб. № 67.
- Нагайцева В.* Страсти на грани фантастики // Сосновское слово. 1998, 31 июля. № 93.

- Ожогин Г.* Буду голосовать за Зюганова! // Слово. 1996, 24 мая. № 62–63.
- Октябрьские дни в районе // Ленинская правда. 1987, 10 нояб. № 135.
- Орехова А.* Такие мы хозяева // Ленинская правда. 1991, 16 фев. № 20.
- Платт К.М.Ф., Натанс Б.* Социалистическая по форме, неопределенная по содержанию: позднесоветская культура и книга Алексея Юрчака «Все было навечно, пока не кончилось» // Новое литературное обозрение. 2010. № 101 (1) <<http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1717/1724/>>.
- Платицина Н.* На основании постановления ВЦИК // Сосновское слово. 1998, 15 июля. № 85–86.
- Попова В.* Горькое послевкусие сладкой истории // Слово. 1992а, 29 фев. № 26.
- Попова В.* День седьмого ноября // Сосновское слово. 2003а, 7 нояб. № 135.
- Попова В.* И вся-то эта жизнь есть борьба, борьба // Сосновское слово. 1999а, 17 нояб. № 139–140.
- Попова В.* Из поколения победителей // Слово. 1993, 12 фев. № 13.
- Попова В.* Как живется-может, учитель? // Сосновское слово. 1998а, 1 сент. № 107–108.
- Попова В.* Когда начальник самодур или не знает законы, нужен хороший прокурор // Слово. 1996а, 29 мая. № 64.
- Попова В.* Лицом к школе // Ленинская правда. 1987, 15 апр. № 111.
- Попова В.* «Меня не сократили, меня выжили», — заявила на суде Нина Михайловна // Слово. 1996б, 7 июня. № 68–69.
- Попова В.* Нам лишь бы выговориться // Ленинская правда. 1991, 26 нояб. № 68.
- Попова В.* Некрасивая история // Слово. 1992б, 14 янв. № 6.
- Попова В.* Он хотел быть пчеловодом, а стал убийцей // Слово. 1996в, 26 янв. № 10–11.
- Попова В.* Раиса Зацепина: У меня тогда была одна привилегия: трудиться, трудиться и еще раз трудиться // Сосновское слово. 2003б, 15 окт. № 124–125.
- Попова В.* Скованные одной цепью // Слово. 1997, 17 янв. № 6–7.
- Попова В.* Сосед соседу — волк? Конфликт, которого могло не быть // Сосновское слово. 1998б, 6 фев. № 17.
- Попова В.* Старые песни о главном. По мотивам ночных бдений у телевизора // Сосновское слово. 1998в, 14 янв. № 6–7.
- Попова В.* Стиль жизни от телящика // Слово. 1995, 24 мар. № 36–37.
- Попова В.* Страсти по автоколонне № 1565 // Сосновское слово. 1999б, 31 мар. № 36–37.
- Попова В.* Традиции выбирать им // Ленинская правда. 1989, 25 мая. № 62.
- Попова В.* У безработицы молодое лицо // Слово. 1994, 14 июля. № 84.

- Попова В.* Чиновники, отняв «гробовые», оставили нам одни гробы // Сосновское слово. 1998г, 28 янв. № 12–13.
- Попова В.* Что посеяли, то пожинаем // Сосновское слово. 1998д, 27 фев. № 27.
- Почта Ленинской правды // Ленинская правда. 1987, 4 апр. № 41.
- Почта Ленинской правды // Ленинская правда. 1988а, 5 июля. № 80.
- Почта Ленинской правды // Ленинская правда. 1988б, 6 окт. № 120–121.
- Почта Ленинской правды // Ленинская правда. 1989, 6 апр. № 42.
- Сегодня в России — День примирения и согласия // Сосновское слово. 2003, 7 нояб. № 135.
- Сеннетт Р.* Коррозия характера. Новосибирск; М.: Тренды, 2004.
- Симонова Е.* Что это будет: очередной притон или очаг культуры? // Сосновское слово. 1999, 15 янв. № 6.
- Скопницева И.* «Самая большая роскошь на земле — это роскошь человеческого общения», — повторяет вслед за Антуаном де Сент-Экзюпери наша юная нештатная корреспондентка // Сосновское слово. 2000, 21 июля. № 87.
- Терновская В.* Не ловкачи, а мученики // Ленинская правда. 1991, 31 янв. № 11.
- Уварова Л.* Атака на критику // Слово. 1992а, 8 фев. № 17.
- Уварова Л.* Было это так // Ленинская правда. 1989а, 21 сент. № 114.
- Уварова Л.* Ветеран всегда в строю // Ленинская правда. 1989б, 26 сент. № 116.
- Уварова Л.* Во, блин, дают // Слово. 1994а, 5 фев. № 15.
- Уварова Л.* Где он, выгодный путь // Слово. 1992, 18 янв. № 8.
- Уварова Л.* Запишемся в дворяне? // Ленинская правда. 1991а, 17 янв. № 6.
- Уварова Л.* Иоанну с Феодором помолимся // Ленинская правда. 1991б, 9 сент. № 39.
- Уварова Л.* К кому «Тамола» спешит на помощь? // Слово. 1996а, 10 янв. № 4.
- Уварова Л.* Реформа нужна, но не такая // Слово 1994б, 19 мар. № 32.
- Уварова Л.* Свой человек во «Взгляде» // Ленинская правда. 1990а, 27 мар. № 36.
- Уварова Л.* Совесть — в студию // Слово. 1994в, 7 янв. № 2–3.
- Уварова Л.* Такая удивительная жизнь // Слово. 1995а, 23 авг. № 100.
- Уварова Л.* «Тамола» терпит поражение // Слово. 1996б, 26 янв. № 10–11.
- Уварова Л.* Учебный год новый — проблемы старые // Слово. 1995б, 6 сент. № 106.
- Уварова Л.* Чему радовалась? // Ленинская правда. 1990б, 20 дек. № 152.
- Уварова Л.* Что же будет? // Слово. 1994г, 14 июля. № 84.

- Уварова Л.* Это еще не гроза // Ленинская правда. 1989в, 12 авг. № 97.
- Уварова Л.* Я б в начальники пошел // Слово. 1995в, 10 фев. № 17–18.
- Устинова, Маслова, Иванова.* [Без названия] // Слово. 1992, 29 фев. № 26.
- Филиппов Г.* Хотите стать рабом? // Слово. 1994, 18 янв. № 7.
- Фролова Н.* Старые методы под новыми лозунгами // Ленинская правда. 1987, 19 сент. № 113.
- [*Халфин, Хелльбек 2002*] Интервью с Игалом Халфиным и Йоханом Хелльбеком // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 217–260.
- Хархордин О.* Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002.
- Экспресс-интервью: 1917–1992 // Слово. 1992, 6 нояб. № 103.
- Юрин В.* Вопросы, вопросы // Слово. 1993, 25 дек. № 127–128.
- Юрин В.* Где вы, Коротковы, Заршиковы, Ожогиньы? // Слово. 1996, 11 окт. № 122–123.
- Юрин В.* Не разрушать то, что работало // Ленинская правда. 1991, 31 окт. № 58.
- Юрин В.* Эх, кони, кони // Слово. 1995, 13 янв. № 5–6.
- Юрин С.* Чему нас учит прошлое // Ленинская правда. 1990, 21 апр. № 48.
- Языкова А.* Жизнь прожита не зря // Слово. 1995, 15 мая. № 57.
- Foucault M.* The Foucault Reader / Ed. by P. Rabinow. N.Y.: Pantheon Books, 1984.
- Hellbeck J.* Revolution on My Mind. Writing a Diary Under Stalin. Cambridge: Harvard University Press, 2006.
- Kalb D., Tak H.* Introduction: Critical Junctions — Recapturing Anthropology and History // Critical Junctions. Anthropology and History beyond the Cultural Turn. N.Y.; Oxford: Bergham Books, 2005. P. 1–28.
- Portelli A.* The Death of Luigi Trastulli and Other Stories: Form and Meaning in Oral History. Albany, NY: SUNY Press, 1991.
- Scott J.C.* Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven, CT; L.: Yale University Press, 1990.
- Sennett R.* The Culture of the New Capitalism. New Haven, CT: Yale University Press, 2005.
- Yurchak A.* Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006.

Иллюстрации

- Рис. 1. А кто с кем договаривался? Художник В. Жабский. Слово. 1991, 7 дек. № 5.
- Рис. 2. Бартер. Художник В. Жабский. Слово. 1991, 10 дек. № 6.
- Рис. 3. Волк и овца. Художник В. Жабский. Слово. 1993, 6 нояб. № 105.
- Рис. 4. Депутат. Художник В. Жабский. Слово. 1993, 9 сент. № 82.
- Рис. 5. Проблемы с налоговой декларацией. Художник В. Жабский. Слово. 1993, 6 нояб. № 105.
- Рис. 6. Бардак. Художник В. Жабский. Слово. 1991, 24 дек. № 12.